

ИВАН МАГАЗИННИКОВ

ПЕЧАТНИК
ПЕЧАТЬ ТЬМЫ

12+

Иван Магазинников

Печатник. Печать Тьмы

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Магазинников И. В.

Печатник. Печать Тьмы / И. В. Магазинников — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Весьма талантливый и столь же невезучий вор Айвен случайно становится обладателем магической татуировки, пропавшей из Королевства Тьмы. И жизнь его превращается в бесконечную череду погонь и сражений. Новые земли, новые друзья и новые проблемы сменяют друг друга, а тут еще и скрытый магический дар Айвена вздумал проснуться, разбуженный злосчастным символом... Сможет ли невезучий вор в компании новообретенных друзей - педантичного мага-геометра и ушлого гоблина, жреца троебожца, - избежать когтей Даркилона и избавиться от так называемой Печати? Это ведомо лишь хихикающему богу Нефарту, покровителю неудачников и калек.

© Магазинников И. В., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Засада	8
Глава 2. Культурные ценности	16
Глава 3. От сумы да от тюрьмы – не зарекайся	23
Глава 4. Воины Тьмы	32
Глава 5. Язык до свободы доведет	41
Глава 6. Неприятности начинаются	50
Глава 7. Встреча со старым знакомым	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Авторы обложки:

- Дизайн-макет и элементы оформления: Ксения Никельсон.
- Иллюстрация “Рука с печатью Тьмы”: Ксения Никитина.

Пролог

«И каждому слуге короны должно воздать по заслугам его, дабы никто не усомнился в мудрости нашего Величества...»

из королевского указа «О воздаянии и наказании...», 2 432 г.в.р

Облезлый старый пес неторопливо брел по дороге, свесив язык почти до земли. Животное еле переставляло лапы, не разбирая пути и совершенно одурев от жары и голода. Вокруг не было ни единой живой души, не считая стайки воробьев, играющих в дорожной пыли.

Кобель проводил печальным взглядом резвящиеся комочки перьев, под которыми наверняка пряталось аппетитное мясо и хрустящие нежные воробьиные косточки, и вздохнул. Увы, пес прекрасно понимал, что ему не угнаться за птицами, ведь сил не оставалось даже на то, чтобы пугануть их звонким лаем. Поэтому он лишь щелкнул клыками и сердито забурчал животом. Впрочем, ни желтые стертые клыки, ни гудящее брюхо не произвели на воробьев никакого впечатления.

Близился полдень, и от жары псу уже начали мерещиться человеческие голоса:

– Подвинься, Бритва, чай, не у тещи на поминках расселся, – прохрипел кто-то.

– Ага, дожدهшься от нее такой радости, как же. Я скорее на своих поминках погуляю, чем на ейных, хвала некротам, ... – ответил ему низкий голос с присвистом.

Пес от удивления так и уселся на дороге. Вскинув уши, кобель прислушался к звукам, доносящимся из его тощего брюха, но бурчание было самым обычным. Голоса зазвучали снова, и шли они со стороны широкого поля, тянувшегося вдоль дороги:

– Проклятье! Хорт, какого мреля мы разлеглись на самом солнцепеке, если до хорошей густой тени – рукой подать? С меня уже семь потов сошло, а лысину так пропекает, что мысли из ушей жареными вылазят, – раздался голос несчастного обладателя тещи-долгожительницы.

– Зная, о чем ты обычно думаешь, могу предположить, что сейчас у тебя из уха вылезет жареная галисийская танцовщица или бутылочка жареного красного вина...

– А если ты не заткнешься, то следом вылезет крепкая жареная оплеуха!

Пес юлой завертелся на месте, пытаясь отыскать источник голосов, но безуспешно – разве что воробьи вдруг научились человеческой речи? Тогда он закрыл глаза, которые, видать, на старости лет начали подводить, и шумно вдохнул воздух.

...Нос его долгое время по праву считался одним из сокровищ арланийской короны, и десять лет пес верой и правдой служил при королевской кухне стравником, оберегая его величество от предумышленных ядов и случайной тухлятины. Получил он на старости лет за службу свою верную лишь пинок под зад от самого принца Гельмута, “жестяной” желудок да потертый кожаный ошейник с тисненым гербом. А король помер ровнехонько через месяц после изгнания пса-стравника – отравился свежими булочками, которые, поговаривают, взошедший после смерти короля на трон принц Гельмут лично для любимого папеньки и замешивал. Такая вот политическая кухня...

И нюх не подвел: в нос псу ударили вдруг многообразные запахи, быть которых здесь просто не могло. Густо пахло горячей кожей и металлом, человеческим потом и кровью, но более всего радовал кислый аромат нагретого вина и жареной курочки – верный признак близкой трапезы, ругани и побоев. Не открывая глаз, он пошел на запах, доверяя лишь своему чутью. И, не пройдя и пяти шагов, уткнулся носом во что-то... в кого-то! Кобель открыл глаза – вокруг него оказались люди, которые лежали и сидели на поляне, бывшей только что безлюдной. Все они были до зубов вооружены, небриты и чрезвычайно угрюмы. Впрочем, пса больше интересовало содержимое валяющихся на земле сумок, чем внешность и настроение их хозяев.

– Ишь, унюхала таки, шавка облезлая, – с досадой произнес один из людей, – а ну пшел отсюда!

Пес быстро оглянулся по сторонам. Естественно, взгляды всех присутствующих были устремлены к нему и не сулили ничего вкусного. Однако, четвероногому бродяге было не при-
выкать ни к таким взглядам, ни к побоям, которые вот-вот должны были на него посыпаться. И считанные мгновения остались, чтобы принять решение – попробовать сыграть на жалости и выпросить хотя бы косточку, или просто хватать то, что лежит поближе да пахнет повкуснее, и бежать со всех ног.

Но люди не оставили ему выбора. Один, выделявшийся сверкающей лысиной, поднялся с земли и шагнул навстречу.

– Нужно с ним что-то делать, а то ведь выдаст, – произнес он.

– Смотри, Бритва, чтобы эта шавка тебя в бараний рог не скрутила, – хихикнул болез-
ненно худощавый человек, лежавший рядом, но тут же осекся, пораженный увиденным.

Лысый подошел к замешкавшемуся псу.

Зверь прижал уши к голове и попятился назад, жалобно поскуливая.

Огромная ладонь, украшенная татуировками и шрамами, потянулась к собаке.

Ошейник заискрился голубоватым светом.

Короткая молния сорвалась с ошейника и устремилась к протянутой руке.

Человек вскрикнул, и рухнул на землю.

Люди замерли, онемев и не сводя глаз со своего товарища, с воем катающегося по земле.

Пес же не мешкал – подскочил к одной из раскрытых сумок вытащил из нее половинку жареной курицы и рванул прочь, стараясь как можно быстрее покинуть негостеприимных дву-
ногих. Источающая пряный аромат добыча и грозные окрики удвоили его силы, и вскоре преследователи остались далеко позади. Отбежав на безопасное расстояние, четвероногий воришка сбавил ход и оглянулся. От изумления зубы его разжались, и курица упала в дорож-
ную пыль: поляна была пуста! Ни людей, ни сумок – все исчезло без следа, словно наваждение.

Осторожно потрогав лапой свою добычу, пес жадно впился в нее зубами, стараясь поско-
рее набить желудок. Вдруг и она тоже исчезнет, как те люди? Насытившись, повеселевший бродяга снова отправился в путь. Он знал, что рано или поздно ему встретится какое-нибудь поселение – все дороги начинаются и заканчиваются там, где есть хотя бы одна человеческая конура. Эту простую истину бывший придворный стравник, а ныне бездомный старый кобель усвоил уже в первый год своих скитаний...

Глава 1. Засада

«Внезапность, решительность, стремительность и напор!

Вот те качества, что помогут тебе избежать цепких лап

стражи и сохранить свободу, а может и саму жизнь...»

записано со слов Крута Быстроногого, главы

воровской Гильдии города Кияжа с 2422 по 2422 г.в.р.

Вся ватага Хорта столпилась вокруг лежащего на земле головореза. Тот уже перестал кататься по земле и лишь вздрагивал, скорчившись, словно младенец в утробе матери.

– Глянь-ка, и впрямь в бараний рог скрутило! – выдохнул разбойник с ярко-рыжей шевелюрой и с опаской посмотрел на своего тощего соседа. Того самого, который про рог и пошутит.

– Эй, Бритва, ты как? – Хорт, главарь шайки, подошел к лежащему и ткнул его ногою в бок. – Живой?

– Вроде да, – простонал тот и попытался встать, – Какого мреля со мною случилось?

– А ты что, ничего не помнишь?

– Э... Ну, я лежал... Ты лежал... Все лежали! А потом каким-то мрелем сюда собаку занесло. Я встал, чтобы пугануть ее... А потом меня... Молниейшибануло?

Лысый выпрямился во весь свой немалый рост и уставился на сгорбленного старика, опирающегося на кривую палку – колдуна по прозвищу Белый Клык. Этого мерзкого и сварливого деда в шайке никто не любил, но именно благодаря его колдовству Хорт со своими ребятами уже третий год хозяйничали на дороге, оставаясь безнаказанными.

– Эй, мрель горбатый, твоих рук дело?

– Больно нужно, стану я еще ману тратить на всякое отребье, – оскалился колдун, продемонстрировав на удивление здоровые белые зубы, которым позавидовал бы и придворный вельможа, днями просиживающий в маникюрнях да стригарнях.

Собственно, из-за зубов он и получил свое прозвище. Настоящее имя его было Инош, и в свободное от несправедливых трудов время Белый Клык принимал посетителей в собственном доме на площади Ремесленников. Был он единственным и весьма уважаемым в городе шептуном-зубодером. Работал, разумеется, без цеховой лицензии, но городские власти закрывали на это глаза, зато с гордостью при любом удобном случае открывали свои рты, демонстрируя отменные зубы работы Иноша-зубодера. Да и в шайке Хорта благодаря искусству колдуна никто зубами не маялся, да в дырки зубовые не посвистывал.

– Тогда какого мреля меня такшибануло, а, колдун зубатый? Ты мне зубы не заговаривай, чай, не болят! Не Костлявый же меня сглазил, в самом деле!

– Эй, Бритва, смотри, будешь ругаться по-эльфийски, уши вырастут. – ухмыльнулся Хорт, – А ну завяли оба, пока своими криками всю округу не переполошили.

– У меня все силы на морок уходят, чтобы нас от чужих глаз спрятать, – пояснил колдун, – А что до молнии, так нечего было на собаку кидаться, которая в зачарованном ошейнике ходит. Непростая, видать, псина была.

– Клык, как думаешь, уж не на разведку ли эту зверюгу послал кто-то? Дорогу проверить... – спросил осторожный Хорт.

– Нет. Видно же, что пес бездомный – некормленный, неухоженный. Бродяга, одним словом. Не бойсь, атаман, стража за ним следом не придет.

– Ладно. Значит так, други, живо все пузом в траву попадали и затаились. Устроили тут балаган с песнями и плясками... И если хоть один рот откроется, или чье-то брюхо буркнет

– живо Белому Клыку работы прибавлю, – Хорт показал свой весьма внушительный кулак, – вы меня знаете!

Да, разбойники хорошо знали и суровый нрав своего атамана, и твердость его кулака. Равно как и добрая половина пьяниц славного города Кияжа, имевших привычку захаживать в трактир “Угрюмый булочник”, где Хорт работал вышибалой. Поэтому без лишних слов попадали, где стояли, и умолкли. Однако, долго лежать не шевелясь и молча, не так-то просто, да еще и на самом солнцепеке. И вскоре снова среди головорезов понеслись шепотки, сдавленные смешки и тихие ругательства. Кто-то забулькал, приложившись к фляге, а Костлявый так и вовсе захрапел, наполнив поляну и окрестности равномерным гулом.

– Не понял! Это еще что за спящий красавец в моей шайке завелся? – привстал Хорт. – Эй, кто там поближе... Бритва, поцелуй-ка его сапогом промеж глаз, а не то проспит и обоз торговый, и своего принца прекрасного...

– Жарко, атаман, вот и сморило его, – промямлил разбойник, стаскивая с ноги внушительный сапожище, – На моей башке уже можно крыс жарить.

– Ну, тогда хоть какая-то польза от тебя и твой лысой макушки будет. Ладно, – сжалился атаман, – вертай сапог на место и толкни его в бок. Только смотри, чтобы не заорал спросонья. Ишь, разлегся на солнышке, кости погреть... Еще б свистульку в нос вставил, дурыня деревенская!

Хорт вытер пот со лба, повернулся в сторону плоского камня, на котором сидел Белый Клык и нахмурился. Тот словно и не чувствовал сокрушающей жары – кутался в свой овечий тулуп и спокойно перебирал бусинки на ожерелье, сделанном из зубов. Разумеется, из человеческих. Ну ничего не берет проклятого – ни летняя жара, ни зимняя ревматизма! Куда уж им, простым людям, до потомственного колдуна? Вот и мучаются под беспощадными лучами солнца, изнывая от духоты и жажды.

Идея расположиться не в уютной тени какого-нибудь дубка или оврага, а на открытом и солнцу и взглядам месте принадлежала самому атаману, но он уже десять раз успел пожалеть об этом решении. С одной стороны, охрана обозов очень уж напряженной и нервной становится, проезжая мимо возможного укрытия подорожных грабителей, а широкое чистое поле никаких подозрений не вызывает. С другой стороны, после семи часов, проведенных на самом солнцепеке, у его ребят азарту сильно поубавилось. Если в ближайшие пару часов на дороге никто не появится, то можно считать, что зря землю потом поливали и брюхом давили – улова не будет.

Хорт повернулся к колдуну:

– Эй, Белый, ну что там на дороге? У нас уже ножи в ножнах затупились, животы в траве отлежались от безделья. Что твоя крыса говорит?

– Он не разговаривает, чай, не перепугай заморский, – отмахнулся тот, – картинки немые кажет, и то ладно. И не крыса, а крыс...

– Да пусть хоть частушки похабные поет, лишь бы толк был!

– Обожди немного, сейчас узнаем, что к чему.

Колдун сунул пальцы в рот и свистнул по-особому – совершенно беззвучно. Кому нужно, тот услышит. И верно – не прошло и минуты, как в траве раздалось шуршание, и на камень взобрался жирный рыжий крыс.

Крыс этот был фамилиаром Белого Клыка. Что такое этот “фамилий”, колдун не объяснял своим подельникам – похоже, и сам не знал толком. Но без своей хвостатой твари зубодер и шагу не ступал – кормил из своей миски, с собою спать укладывал, всячески оберегал от разных напастей. Некоторые разбойники называли крысу рыжим братом колдуна, раз за разом выдумывая истории одна другой страшнее, как и почему Белый Клык родного брата в крысу превратил. Ведь и впрямь грызун на колдуна был похож. Толстый, рыжий, драный и с ослепительно белыми острыми зубками. Такой же злобный и тоже большой не дурак выпить, как и его хозяин. Рыжий Брат не только служил глазами колдуна, бегая в разведку, но и каким-то

образом помогал ему творить особо сложную и опасную для рассудка волшбу – общаться с духами умерших или смотреть вперед-назад во времени.

– Ну, не томи, колдун, спрашивай скорее свою животную, – Хорт стиснул кулаки.

Белый Клык взял крыса в руки и поднес его острую морду к лицу, вглядываясь в блестящие глаза-бусинки. Водянисто-серые глаза старого чародея начали наливаться колдовской чернотой, и рыжий грызун неподвижно затих, показывая своему хозяину немые картинки.

Долго ждать не пришлось. Клык вдруг дернул головой, замотал, стряхивая наваждение, и бесцеремонно отшвырнул крыса. Впрочем, Рыжему Брату было не привыкать. Шлепнувшись на землю, он лишь отряхнулся и уселся вылизывать лапки, сердито попискивая.

– Радуйся, атаман, обещанная духами добыча скоро будет здесь. Добыча хорошая и легкая, – колдун вытянул вперед руку и посмотрел на свои заметно дрожащие пальцы, – две телеги и никакой охраны. Будут через два-десять минут.

– Две телеги – да без охраны? Может, чародейство какое?

– Не думаю, – усмехнулся старик, – да ты и сам все увидишь.

Он снял с пояса флягу и с видимым удовольствием приложился к горлышку. С каждым глотком колдовская чернота уходила из его глаз, сменяясь хмельным блеском. Хорт нахмурился, но не сказал ни слова. Колдун был единственным членом шайки, которому позволялось пить перед налетом – любая волшба отзывалась Белому Клыку такой головной болью, что одно вино и спасало. За остальными атаман смотрел строго, и стоило ему увидеть или унюхать лишнее, и провинившийся смело мог идти обучаться художественному свисту через новообретенные щели во рту – бил трактирный вышибала точно и сильно.

– Два-десять, говоришь? – Хорт сплюнул сквозь зубы, – Тогда давай, готовь свои чары, а уж мы с ребятами подхватим. Кстати, а где твой пузырь?

– Хм, да еще недавно здесь был! – нахмурился Инош, – Ничего, сейчас найдется как миленький...

Чародей положил на ладонь свои жуткие бусы и начал перебирать нанизанные на нитку зубы. Наконец, отыскав нужный, он крепко сжал его пальцами и начал аккуратно катать между ними, одновременно проговаривая непонятные слова на колдовском языке. На кончиках его пальцев заплескали голубоватые искорки. Колдун тотчас сунул зачарованный зуб в рот и закрыл:

– А ну живо ко мне, каббров сын!

Айвен шел по тенистому лесу, наслаждаясь ароматом перегретой хвои и прохладой. Валяться в траве, подставляя спину под палящие лучи солнца? Нет уж, пусть другие на солнце спины жарят, а он предпочитает отдыхать в тенечке и слушать щебет птиц. Осторожно ступая по ковру из опавших иголок, юноша внимательно вслушивался в птичьи переливы и свисты. Конечно, романтик из Айвена был такой же, как из деревенского кузнеца придворная швея-кружевница, да и слухом боги его обделили. Просто прислушивался он исключительно в гастрономических целях – очень уж хотелось отведать свежего мяса, и совсем замечательно было бы наткнуться на гнездо желтокрылой веретейки, чьи крохотные яйца считались деликатесом и подавались ко столу в лучших столичных ресторациях.

Зазевавшись, юноша не успел пригнуться и со всего маху приложился о низко висящий сук. В глазах потемнело и перед взором Айвена закружились-завертелись звезды, упорно не желая складываться в знакомые созвездия. Раскалываясь от боли, голова гудела не хуже храмового колокола в поминальный день.

– Хватит! – простонал юноша, крепко зажмуриваясь и прикрывая уши ладонями. Обиженные звездочки мигнули и погасли, а вот странный гул в ушах не пропал, а наоборот – стал еще более раздражающим, напоминая жужжание рассерженных ос.

Айвен открыл глаза. Темнота со звездами окончательно пропала, но зрение решило выкинуть новый фокус, размывая очертания окружающих предметов и иногда раздваивая их. Впрочем, после такого удара и не удивительно – юноше разом расхотелось и кушать, и птичек слушать. Зато ему удалось выяснить источник шума, которым оказалось то самое дерево, о ветку которого он ударился.

Жуткая боль в голове притупляла остроту мыслей, но он постарался быть последовательным в рассуждениях:

– Хм. Жужжит снаружи, а не внутри. – Айвен постучал костяшками пальцев себя по лбу, но острая вспышка боли тут же заставила его пожалеть об этом. – Снаружи головы, но внутри дерева, – постучал он по стволу. – Само по себе дерево жужжать не может, а значит, кто-то жужжит вместо него. По-моему так!

Юноша радостно улыбнулся. Потихоньку зрение начало приходить в норму, и он задрал голову.

– Тысяча каббров, это же пчелиный улей! Где есть улей, там есть и пчелы. Где есть пчелы, там есть и мед. А где есть мед, там есть и...э... – мысли его всё еще путались – ...там есть я!

Сладкое Айвен любил. Вообще-то, он много чего любил, впрочем, как и любой другой нормальный человек, гном, эльф и, может быть даже урлак. Хотя, как раз насчет урлаков он не был уверен – кроме как спать, убивать и жрать, урлаки больше ничем не занимались, и обычные человеческие (а также гномьи и эльфийские) радости были им чужды.

Юноша сбросил сумку на землю, проверил, хорошо ли ходит в ножнах кинжал, и подошел к дереву. Но тут же застыл на месте: к жужжанию пчел добавились еще звуки, и Айвену они не понравились. По ту сторону толстого ствола кто-то сопел и хрипел, пытаясь взобраться на дерево.

– Эй, между прочим, я этот улей первым нашел! – предупредил юноша незваного охотника за сладким. В том, что неизвестный тоже решил полакомиться медом, он даже не сомневался.

Царапание стихло, а вот хрипы стали громче и больше похожими на рычание. Из-за ствола показалась косматая черная голова медведя. Точнее, медведицы, судя по светлому треугольнику шерсти на груди.

– М-мама... – только и смог прошептать юноша, ноги которого стали ватными, а в горле мигом пересохло.

Но медведица сыночка не признала и заревела громче, пытаясь напугать человека. Медленно пятясь спиной вперед, Айвен начал отступать, а зверь также медленно шел на него. Сделав так шагов пять, юноша ударился спиной о шершавый ствол дерева. И, словно только этого и ждала, медведица тут же перешла с неторопливого шага на рысь, стремительно сокращая расстояние между собою и жертвой.

Айвен задрал голову и увидел прямо над собою толстую ветку, до которой было рукой достать, что он и сделал. Подпрыгнув, ухватился за нее и полез наверх, стараясь забраться повыше. Снизу раздался жалобный рев, и дерево ощутимо вздрогнуло от сильного удара, когда зверь врезался в него, не успев остановиться. Юноша знал, что медведи вполне неплохо умеют лазать по деревьям, чем сам он, увы, похвастать не мог.

– Эй ты, мохнатая, – крикнул он вниз, поудобнее устроившись на ветке, – ну зачем тебе сырой, невкусный и неделю не мывшийся вор, а? Посмотри туда. Огромное дупло, до краев наполненное душистым медом и кусачими пчелами. Лично я на твоём месте не раздумывая выбрал бы мед.

Медведица вовсе не собиралась лезть за ним наверх, но и так просто отпустить – тоже. Она улеглась прямо под деревом, неотрывно глядя на укрывшегося среди ветвей человека. При звуках человеческого голоса самка мотнула головой и глухо зарычала.

– Вот у тебя есть дети? – в минуту опасности язык у Айвена начинал жить самостоятельной жизнью, с переменным успехом то выпутывая его из неприятностей, то наоборот, вовлекая в еще большие. – Будь у меня пара мохнатых толстозадых детишек, я бы предпочел притащить им немного свежего меда, а не кровоточащий кусок дурно пахнущей человечины.

На эту тираду медведица никак не отреагировала. Разве что из ее открытой пасти начала обильнее капать слюна. И Айвен надеялся, что этот эффект был вызван упоминанием меда, а не человечины. Он уже был готов разразиться новой речью, но сделать это ему не дали. Один из зубов вдруг пронзила острая боль, и в голове громом зазвучал голос Иноша:

– А ну живо ко мне, каббров сын!..

От неожиданности юноша резко дернулся, и ветка, казавшаяся такой надежной опорой, выскользнула из-под него. Айвен ухватился за свисающую прямо перед ним лиану, но та предательски зазвенела и порвалась, не выдержав тяжести.

Жизнь вовсе не пронеслась перед его глазами: так, вспомнил пару старых ругательств, и только. Упал Айвен на мягкое и... недоуменно ревущее! Медведица, прямо на которую он свалился, ошалело мотнула головой а потом и вовсе с жалобным ревом скрылась в кустах, решив не связываться с этим странным человеком. Не веря в свою удачу, юноша бегом бросился к дороге, постоянно оглядываясь: не передумала ли зверюга?

– Эй, атаман, – раздался снизу тихий голос, – глянь, уж не колдуний ли это пузырь бежит из лесу?

Хорт посмотрел в указанную сторону. И впрямь, кто-то бежал по полю, напрямую к устроенной разбойниками засаде. Было слишком далеко, чтобы рассмотреть лицо или детали одежды бегущего, но колдун уверенно заявил:

– Он и есть, каббров выкормыш. Ишь, удумал, по лесу прогуляться. Давненько, видать, зубами не маялся, нужно будет ему напомнить вечером, что значит язвенный пульпит и глубокий кариес передних резцов...

– Не жалею малого. Помучается пару ночей без сна – живо вспомнит, что значит приказов атамана не слушаться, – кивнул Хорт.

Айвен остановился рядом с ними, тяжело дыша. Глаза главаря гневно сверкали, не суля ему ничего хорошего.

– Сиди здесь. Двинешься с места – приблю! Хоть один звук издашь – приблю! И в любом случае после того как с обозом разберемся, я тебя приблю! – шипел Хорт, ухватив за шиворот несчастного юношу. Тот испуганно смотрел на него, и боялся лишний раз моргнуть

– Понял меня, гнида кабброва?

Айвен кивнул. Хорт с легкостью швырнул его под ноги колдуну и скомандовал уже совершенно спокойным голосом:

– Всем сидеть тихо и не шевелиться, обоз вот-вот будет. Кому что делать – знаете, не впервой на дорогу выходим. Колдун, надеюсь, что я не слишком придавил твоего пузыря, и он не лопнул, как мое терпение? Лошади на тебе, не забывай!

Дождавшись знака зубодера, атаман опустил на землю и замер в ожидании. Остальные последовали его примеру. И едва последний из грабителей неподвижно замер в траве, как на горизонте показалось облако пыли. Укрытые мороком от чужих глаз, разбойники приготовились к нападению...

Айвен лежал на земле, боясь лишний раз пошевелиться. Бежал сюда он не разбирая дороги, и ухитрился наткнуться за густые заросли жгучей крапивы. И теперь открытые части его тела горели, словно в огне. Наверное, примерно так чувствуют себя грешники-изиты, которых, согласно их вере, в Подземном Царстве жарят на сковородках бесы, вытапливая из них

грехи и пороки – чем больше успел нагрешить несчастный, тем дольше времени проведет он на сковородке, обильно поливаемый кипящим маслом.

Колдун склонился над ним и начал водить пальцем по лбу, вырисовывая магические знаки. Нет, он не пытался облегчить страдания несчастного юноши и даже более того – боль, не позволяющая Айвену потерять сознание, была только на руку. Ему сейчас просто нужен был «пузырь», чтобы пополнить растроченные запасы маны и подготовить пару-тройку заклинаний до появления обоза.

Юноша не был полноправным членом шайки Хорта, хотя уже год без его участия не обходилось ни одно дело. Не был он и помощником колдуна, хотя и принимал участие во многих его колдовских ритуалах. Айвен был просто «пузырь», которым пользовались по мере необходимости и всегда старались держать его под рукой. Так уж получилось, что родился он с редчайшим магическим даром – или с проклятьем, это уж кому как – который заключался в его... абсолютной неспособности к магии.

Что в этом необычного, ведь полным-полно людей, которые не имеют чародейского дара? И уж тем более, что в этом магического? Дело в том, что он был из тех, кого называли «пузырями», а если выражаться по мудреному, то «субъектом с открытой на поглощение и замкнутой на испускание мана-системой». Накапливал ману в огромных количествах с такой легкостью, которая доступна далеко не каждому обученному чародею, но при этом не мог использовать свои огромные запасы магической энергии. Вообще. Ни напитать силой магическую руну, ни зажечь пучок сухой соломы заклинанием – ничего этого Айвен не смог бы проделать даже спустя десять лет обучения у лучших магов королевства. Он знал пару рун, зазубрил наизусть несколько заклинаний, но в его исполнении это были просто значки и просто звуки, лишённые какой бы то ни было силы. Казалось бы, вот она, кипит-бурлит внутри, бери да пользуйся! Но, не тут-то было. Ни единой капли маны, ни единой искорки силы не мог он влить в творимую волшебю – таким уж уродился.

Зато, «пузырь» может служить источником маны для другого чародея! Это как таскать с собою флягу свежей прохладной воды, которую ты сам и открыть-то не можешь, зато любой другой может из нее напиться вдоволь. Конечно, против воли самого мана-накопителя воспользоваться его магическими резервами было невозможно, но это ограничение обходилось очень и очень просто, в чем юноша лично убедился в первый же день своего знакомства с белозубым колдуном. «Пузырь», он ведь самый обычный человек, который испытывает самые обычные эмоции – радость, страх, боль... И особенно хорошо, как оказалось, Айвен чувствовал зубную боль.

...До знакомства с Хортом и его ребятами, юноша промышлял карманником – срезал кошельки у зевак, да сверлил дыры в набитых карманах у торговцев. Вор он был не то чтобы плохой, и смекалкой и ловкостью его боги наградили щедро, да вот только богиня Удача, похоже, повернулась к нему известным местом, а проклятый божок неудачников Нефарт напротив, словно в отцы-покровители навязался. А если к этому прибавить болезненное любопытство Айвена да его неумную страсть к авантюрам и веселым шалостям, то и вовсе удивительно становится, как он исхитрился к своим двадцати четырем годам воровского клейма не получить.

Тот день, когда Айвен попытался подрезать кошелек у пьяного деда в «Угрюмом булочнике», стал для него судьбоносным. Пьяный дед оказался ни кем иным, как Белозубым Иношем, колдуном-зубодером. Необычную ауру воришки, которая плыла и переливалась всеми цветами радуги, словно поверхность мыльного пузыря, чародей заметил сразу и сильно обрадовался – способности колдуна были весьма средними, и он давно мечтал заполучить себе какого-нибудь «пузыря», чтобы пополнять от него растроченную ману. А тут, смотри-ка, сам в руки пришел, да еще какой! Если бы мана-система трактирного карманника не была замкнутой на себя, то быть бы ему среди первых чародеев королевства. Конечно, при должной подготовке.

В общем, Инош сделал юноше предложение, от которого тот не смог отказаться – трудно сказать «нет», когда в каждом твоём зубе поселилось по дятлу, а позади многозначительно ухмыляется трактирный вышибала, лениво отгоняя мух пудовой дубинкой из железного дуба. Так и стал мелкий карманник дорожным грабителем, влившись в небольшую банду Хорта. Правда, в драку его не пускали и под стрелы-мечи не подставляли. Во-первых, толку в настоящем бою от карманного искателя мало – только мешаться под ногами будет. Ну и во-вторых, хорошего «пузыря» найти много труднее, чем умелого головореза. Люди с такой особенностью рождались крайне редко, да и чародеи Академии тщательно выискивали их, и всех найденных «пузырей» брали под свою опеку, используя для своих опытов или как живые мана-накопители. Так Айвен стал для колдуна-разбойника дополнительным источником маны на те случаи, когда Клыку не хватало собственных магических сил...

...Кончики пальцев юноши похолодели и окончательно потеряли чувствительность. Так всегда происходило, когда колдун выкачивал из него накопленную ману. Айвену как-то довелось услышать, что полностью опустошенный «пузырь» угасает – сначала просто теряет способность накапливать магическую энергию, а потом начинает чахнуть и теряет всяческий интерес к жизни и ее радостям. Впрочем, ему это не грозило – колдун не отличался особым могуществом, и запасов маны хватило бы на нескольких таких Иношей.

Наконец, чародей довольно крикнул и отшатнулся от юноши, обрывая канал силы. «Пузырь» устало распластался по земле, а старик же напротив, выпрямился во весь свой рост и перестал зябко кутаться в драный тулуп. Ни на кого не обращая внимания, колдун уселся на камень и принялся рисовать пальцем в воздухе невидимые знаки да что-то приговаривать. Айвену был уже хорошо знаком этот наговор, гордость Белого Клыка и его собственная придумка – правда, это было единственное созданное им заклинание, причем совершенно случайно – заклятие, которое колдун назвал «коновалом». Невидимость невидимостью, но обновить лошадей нужно было быстро и надежно, чтобы не вздумали понести, и чтобы обозники не смогли ими управлять. Для этого и предназначался «коновал».

...Год назад, нечаянно создав в состоянии изрядного опьянения новое заклинание, Инош сразу вообразил себя магом-конструктором. А для закрепления успеха попробовал сотворить еще пару новых проклятий и наговоров... Когда остатки старой зубодерни догорели, а колдуна привели в сознание сбежавшиеся на пожар люди, старик в пьяном бреду и дымовом угаре поклялся навсегда завязать и с волшбой, и с выпивкой. Впрочем, как и всегда в подобных случаях, уже через семерик смертная клятва утратила свою силу, и колдун попробовал повторить свой эксперимент. Только на этот раз он провел опыт в чистом поле и со всеми предосторожностями. А для наибольшего соответствия, перво-наперво довел себя до нужной кондиции двумя кувшинами «бургийского мельника», белого вина, которое он пил и в тот памятный день, когда сторела зубодерня.

Может вино оказалось не той выдержки, а может рисунки звезд на небе и коровьих лепешек на дороге оказались неблагоприятными, но и на этот раз кроме вспыхнувшего факелом стога сена у Белого Клыка ничего не вышло. Трижды пытался он освоить профессию конструктора заклинаний, но безуспешно и весьма для себя травматично. В общем, махнул он на все это левой, наименее обожженной, рукой и снова вернулся к дырявым зубам обывателей да к разбойным деяниям...

Бесшумно подойдя к самому краю дороги, Белый Клык вытянул руку в сторону обоза, который был уже в двух сотнях шагов от места засады. Вот подъедет он на десять шагов, и тогда взведенное заклятие сорвется с пальцев и поразит свои цели.

А тем временем разбойники с недоумением и растерянностью смотрели на то, что должно было стать жертвой налета. Две старые клячи, впряженные в простую телегу, да малая тележка

позади прицеплена. И правит этим всем одинокий тощий старик, задремавший на жаре. Ни тебе каравана телег, ни охраны, ни толстых купцов в расшитых кафтанах – как и обещал колдун. Предоставленные сами себе лошади еле-еле переставляли ноги, скорее делая вид, что тащат телегу, а катилась она не иначе как сама – с горки. Единственное, что хоть как-то могло порадовать приунывших грабителей, так это обилие всевозможных свертков, сундуков и коробов на обеих телегах. Впрочем, потертый наряд возницы ясно давал понять: самое ценное, что есть в этих сундуках – это сами сундуки.

– Или колдун наш таким образом подшутить удумал, или этот мрель на телеге специально охрану не брал, рванину на себя напялил да сундуки взял поплоче – чтобы никто не позарился на товар-то, – еле слышно прошептал Бритва.

– Ага, и лежат у него в свертках золотые гномьи слитки и хеонские зачарованные доспехи, – так же тихо хмыкнул Хорт.

– А может это столичный Архимаг, укрывшись под стариковской личной, везет боевые артефакты? – опасливо предположил Рыжий.

– Ты б еще сказал, что это сам Холодный Старик подарки везет на Новый Год! Не бойсь, Белый Клык никакой волшбы не учуял. Ладно, други, на третий палец начинаем...

Атаман поднял вверх кулак и начал медленно отжимать пальцы, по одному. И когда третий палец указал в небо, началось веселье.

Колдун стряхнул с пальцев «коновала» и одновременно снял морок, укрывавший шайку от чужих глаз.

С криками разбойники вскочили на ноги и окружили телегу. Рубаки-бойцы в первых рядах, стрелки и метатели – в десяти шагах позади, все насторожены и с оружием наготове.

Лошади, потерявшие зрение, слух и обоняние, стали как вкопанные, тревожно фыркая и прядя ушами.

Дремавший возница широко зевнул и... лег на край телеги, поджав ноги к груди, словно малое дитя – только пальца во рту не хватает. До ошеломленных и разом умолкших от такого зрелища разбойников донесся его тихий храп...

Глава 2. Культурные ценности

«История – это наука, которая позволяет изучая ошибки прошлого – попытаться избежать ошибок в будущем...»

Надпись на двери кафедры гадания и ясновидения Ригской Академии Магии.

– Не понял! Вы что это – все надо мною издеваетесь? Сначала Костлявый храпа давит, а теперь еще и этот обношенный? Эй, Бритва! – Хорт с силой вогнал в ножны меч и жестом подозвал лысого громилу. Тот со вздохом начал стаскивать с ноги сапог...

– погоди, я сам, – раздвинув разбойников, к телеге вышел Белый Клык.

Колдун вытащил щепотку сероватого порошка и швырнул ее в лицо спящему. Тот поморщился, перевернулся на другой бок и оглушительно чихнул, тут же проснувшись.

Возница оказался болезненно худощавым стариком, впрочем, весьма неплохо сохранившимся – на его морщинистом лице играл здоровый румянец, а седые длинные волосы были на удивление густыми. На узкие плечи был накинута цветастый тканый халат, одетый шиворот навыворот прямо на голое тело, а на ногах красовались холщевые штаны невероятных размеров и домашние пушистые тапочки с мохнатыми шарами на носках. Казалось, что без пяти минут жертва дорожного ограбления собрался в путь то ли в крошечной темноте, то ли спасаясь от пожара и хватая, что под руку подвернется.

Окончательно проснувшись и протерев глаза, возница сел и принялся рассматривать окружающих его людей. Правой рукой вцепившись в телегу, а левой рассеяно теребя свою жиденькую козлиную бороденку, он бегал глазами по сторонам, ни на ком не задерживаясь больше пары мгновений. Порою и вовсе создавалось впечатление, что возница никого не замечает.

– Ну? – атаман нетерпеливо хлопнул себя ладонью по бедру.

– Что? – переспросил старик.

– Все!

– Что «все»?

– Совсем все!

– Я уже приехал? – дед вдруг обеспокоено завозился на своей телеге и начал неуклюже шарить руками под ворохом скинутого кучей тряпья, пытаясь что-то отыскать. Разбойники напряглись. Вооруженные луками и арбалетами стрелки тут же вскинули оружие, направляя его на возницу – мало ли, что там у него спрятано?

Но тот вытащил самое обычное яблоко и уставился на него с непониманием, словно видел впервые в жизни.

– Можно и так сказать. Приехал, – хмыкнул Хорт, давая знак опустить оружие.

– Странно, – старик осмотрелся, – я думал, что в Кияже несколько больше народу. И немного больше этих... как их... домов! Да, намного больше.

– Так до Кияжа еще два часа ехать. И если ты сейчас будешь себя хорошо вести, то вскоре продолжишь свой путь. Да еще и доберешься быстрее – на разгруженной телеге-то.

– Ага! Так значит вы эти... как их... – возница нахмурился, пытаясь вспомнить позабытое слово. Машинально он откусил кусок яблока, скривился и отшвырнул его в сторону. Недоенный плод, вращаясь, подкатился к самым ногам Хорта и замер.

– Разбойники мы, – тяжело вздохнул Бритва и развел руками: «извини, мол, так уж вышло, мы не виноваты»...

– Это те самые, которые на дорогах людей грабят и убивают? – недоверчиво переспросил дед, почему-то косясь на Айвена. «Пузырь» уже успел не только пробраться в первые ряды

окружавших телегу людей, но и вытащить из кучи тряпья, лежащего на дне телеги, какую-то книжку.

– Простите, но вы держите ее вверх ногами, – любезно подсказал старик, когда Айвен раскрыл книгу.

– Дед, а какая мне разница-то? – ухмыльнулся юноша и принялся обмахиваться книгой, словно веером. По его красному от жары лицу расплылась блаженная улыбка.

– Действительно, никакой, – вздохнул возница и, неуклюже взмахнув руками, попытался встать.

– Но-но! Без резких движений, старый мрель, а не то живо железом нафаршируем! – лысый разбойник опустил руку ему на плечо и ловко крутанул кинжал между пальцами.

Старик снова сел. Пытаясь за что-нибудь ухватиться, он едва не опрокинул плохо закрепленные на телеге коробки, которые тут же опасно накренились, удерживаемые от падения только веревкой. Вытащил непонятно откуда курительную трубку, положил ее рядом с собою, сунул задумчиво палец в рот, а в правой руке его появилось второе яблоко.

Хорт заскрипел зубами от злости на это неуклюжее недоразумение в халате. Возница сжегился и робко отодвинул от себя трубку.

– Будет лучше, если ты сам скажешь, что везешь, и отдашь все ценное. В противном случае придется все хорошенько осмотреть, а кое-что и поломать... – с любезной улыбкой вкрадчиво объяснил атаман, и тут же скривился, от внезапной зубной боли.

– Отвечай, мрель, когда тебя атаман спрашивает! – попытался снова схватить деда Бритва, но, неловко повернувшись, ткнулся коленом в край телеги и взвыл от боли.

– Любопытно, а вы знаете, молодой человек, что означает упомянутое вами... и вот сейчас еще раз, слово? – ни к кому не обращаясь, пробормотал старик себе под нос, с любопытством рассматривая прыгающего на одной ноге и матерящегося Бритву.

– Хватит любезничать! Ты, хруст старый, живо гони золото и драгоценности! Рыжий, Маркуш, Хабар и Комар, пошарьте по сундукам. Остальным с него глаз не спускать!

Старик сокрушенно покачал головой и вытащил из-за пазухи позвякивающий мешочек. Хорт нетерпеливо выхватил его и дернул шнурок.

– Атаман, нет! – завопил колдун, и снова зуб главного пронзила острая боль.

Мешочек развязался, и на дорогу посыпались круглые разноцветные камушки, поднимая облачка пыли.

Вожак отскочил в сторону, укрываясь за спиной Бритвы.

Сразу три разбойника вскинули арбалеты, положив пальцы на спусковые скобы.

Старик вскрикнул, и закрыл лицо ладонями.

Кто-то из разбойников шумно испугался и густо покраснел.

Белый Клык в два росчерка нарисовал в воздухе светящийся символ, который тут же погас.

Все замерли, не издавая ни звука и боясь лишний раз пошевелиться.

Наконец, зубодер с ухмылкой подобрал один из рассыпавшихся камней и пару раз подбросил его на ладони:

– Эй, босота придорожная, чего перепугались-то? Камни как камни. Никаких чар или рун на них нет.

– Простите, господа, я просто перепутал кошелі. Эти камни... Понимаете, я историк, везу с собой книги и культурные ценности. Например вот эти камни... Некогда на территории современного Хеона жили дикие племена хионитов, которые в качестве письменных знаков использовали вот такие камни, выкладывая их на...

– Ты лучше золото мне в руку выкладывай, а не свои камни, – ухмыльнулся Хорт. – Ценности, это очень хорошо.

– Культурные, простите, ценности.

– Ну так а я о чем? Мы тут тоже люди культурные. Костлявый, вон, читать умеет, Гнебек – писать, а Айвен даже в сколярии учился. Ума, правда, так и не нажил, зато морду на сколярных харчах отрастил – ого-го!

– Чистили мы как-то дом одного историка, – хмыкнул Рыжий, – столько оружия, доспехов и золотых побрякушек оттуда вынесли, что еще три дня спинами маялись, надорвавшись.

– Золото, дед! – требовательно протянул руку Хорт.

Зуб его снова заныл. Старик, с извинениями, запустил руку под халат и вытащил еще один мешочек, на этот раз отозвавшийся звоном золота.

– Да поживее ты! – атаман нетерпеливо выхватил кошель из дрожащей руки, но, не удержав, выронил.

Осыпая неуклюжего деда, палящее солнце и всех богов проклятиями, атаман наклонился за выпавшим мешочком. Нашупав его под телегой, он резко выпрямился и, со всей силы, приложился головой о выпирающий кусок доски.

– Кабброво семя! – в глазах потемнело, и атаман начал заваливаться набок.

К нему на помощь шагнул было один из разбойников, но наступил на яблоко и рухнул как подкошенный. Он попытался ухватиться за стоящего впереди Костлявого, но лишь сильно толкнул того под правый локоть, вынудив полоснуть Бритву саблей по бедру.

– Какого мреля? – взревел раненый, разворачиваясь к обидчику и перебрасывая кинжал из руки в руку с такой скоростью, что между его ладонями словно выросла стальная лента.

– Я... Я не хотел... – попятился Костлявый, наступая на руку пытающегося встать на ноги атамана.

– Думаешь, я хочу это делать? – прошипел Бритва, поудобнее перехватывая кинжал.

– Господа, господа хорошие, прошу вас, не нужно смертоубийства! – вскочил на телеге старик. – Такой чудесный сегодня день, солнышко, опять же, светит... Не нужно омрачать его пролитой кровью!

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не вмешался колдун:

– А ну все замерли, а не то нашлау разом зубного сверильщика с челюстной ломотой! Бритва, убирай свою зубочистку и живо ко мне, рану твою почищу. Ты и ты, – выбрал он двоих, – помогите атаману подняться, не видите, худо ему?

– Эй, здесь и впрямь книги! А еще черепки какие-то, в тряпки завернутые, – раздался голос Айвена, который уже успел вскрыть одну из коробок, стоявших на телеге.

– А что в других коробках? – пришедший в себя Хорт вытащил из ножен мечи приставил его к стариковской шее.

– Вон в тех и тех – книги, на том краю всякие образцы...

– Айвен и Хабар – проверить, – коротко скомандовал атаман. – Что за образцы?

– Разное. Глиняная посуда, древние медные украшения, холстяная одежда хионитов и рурариев... Только умоляю, поосторожнее с ними! Это все очень древние и очень хрупкие вещи!

С громким треском сорвав крышку, Айвен сунул голову в коробку.

– А... а... апчхи! Дед правду говорит, тут тряпки пыльные и железки какие-то.

– Золото? Оружие?

– Нет, какие-то клещи, пара гвоздей гнутых, гребень бабский и просто куски. Наверное, обломки. Каббров мусор, в общем.

– Это не мусор! Это уникальные находки большой культурной ценности! – воскликнул историк.

– Хабар, что там у тебя?

– Книги, атаман. Как дед и сказал, во всех коробках книги и какие-то свитки.

– Магические? Переплеты золотом тисненные?

– Старые книги, языка этого я не знаю.

Хорт повернулся к Белому Клыку, но колдун лишь мотнул головой: следов магии нету.

– А в том сундуке что? – кивнул атаман в сторону второй телеги, на которой стоял один лишь сундук, примотанный тонкой цепью.

– Э... Там... Там тоже книги, – почему-то замялся дед.

– Да? Эй, Бритва, пока Ловкач Гарри в холодной яме сидит на крысиной диете, ты у нас за замочного мастера. Ну-ка, поковырай замок и проверь, что там за книги такие.

– Я... Простите, может лучше не надо? – попытался было возразить историк, но было уже поздно.

Бритва вытащил из кармана увесистую связку отмычек всевозможных форм и размеров. Внимательно осмотрел замок и выбрал среди отмычек что-то, больше напоминавшее кривой штопор, чем ключ. Поплевав на кончики пальцев, взломщик взялся за дело.

– Мне кажется, лучше этого не делать, дело в том, что этот сундук является собственностью Ригийской Академии Магии, и вполне возможно, что... – снова заговорил старик, но закончить свою мысль не успел.

Позади обоза раздался громкий треск, и в спертom от жары воздухе запахло весенней грозой. Пораженный ударом молнии, ударившей из замка, Бритва отлетел в придорожную траву и катался по ней, корчась от боли.

– Да что ж это за день сегодня такой каббров!? – отчаянно воскликнул Хорт. – А ты за каким каббром молчал?

– Но позвольте! Я-то как раз и пытался предупредить, но вы даже слушать не стали!

– Что ты там насчет магов шептал?

– Этот сундук и его содержимое принадлежат Ригийским архимагам. Наверняка на нем есть защитные чары.

– И что в нем такого важного?

– Я не знаю. Мне его передали уже в запечатанном виде и сказали, что внутри находятся ценные книги.

– Эй, Малыш, ну-ка... – дал знак атаман одному из разбойников – широкоплечему детине, на добрых полголовы выше самого Хорта, которого можно было с легкостью принять за подмастерье кузнеца.

Громила подошел к массивному на вид сундуку и с легкостью приподнял его над телегой.

– Легкий, атаман. Точно не золото.

– Ладно, проверьте, как там наш цирюльник, не помер еще?

– Жив я, жив, – раздался стон Бритвы. – Я уже привыкший. Руки только трясутся, так что не скоро я за ножницы да бритву возьмусь.

Глядя на этого лысого, как колено, увальня было сложно поверить, что он когда-то считался одним из лучших цирюльников Кияжа. Если бы не его страсть к спиртному да хорошей драке, то был бы сейчас он не Бритвою, разбойником с большой дороги, а хозяином какой-нибудь стригарни в столице. Но после того, как цирюльник едва насмерть не прирезал сына одного дворянчика, осмелившегося насмеяться над лысиной Бритвы, дорога в большие люди ему была заказана. Хорошо еще, если удавалось хотя бы на малый сезон наняться в какую-нибудь цирюльную подмастерье. К счастью, встреча с Хортом стала для него той самой соломинкой для утопающего, а виртуозное владение холодным оружием не раз и не два спасало жизнь как самому Бритве, так его собратям по придорожному ремеслу.

– Может, кувалдой его? – хмурo предположил Бритва, со злобою косясь на сундук. – Хороший удар любую волшебу сплющит-покоржит.

– Если господа позволят то у меня будет другое предложение, – робко вмешался историк.

– Выкладывай.

– Вот здесь... Где-то здесь у меня были ключи, – завозился старик, извлекая из груды тряпья и укладывая рядом с собою совершенно невообразимые вещи: стеклянную чернильницу, крохотный череп какой-то птицы, изящный женский сапожок, деревянную дудочку...

Откуда и, главное, зачем старик взял эти вещи, было решительно непонятно. Хорт хотел было уже одернуть горе-ученого, но тот с победным возгласом вытащил, наконец, связку с ключами.

– Вот! Вот они, проклятушие! Только не нужно его кувалдой, умоляю вас! – историк протянул атаману ключи, одновременно укладывая рядом с собою обломок ржавой сабли.

Хорт потянулся было к ключам, но вдруг резко отдернул руку и скривился, едва слышно застонав.

– Что случилось, господин хороший? Неужто зубы прихватило? – участливо заглянул ему в лицо возница, нервно теребя свою бородку.

– Не твоего ума дело! Ключи давай!

Старик часто закивал головою и снова протянул связку. Левая рука его рассеяно шарила по бараклу, извлеченному только что со дна телеги. Зацепив невзначай саблю, дед испуганно вскрикнул и сунул в рот порезанный палец.

– Тысяча похотливых кабрров, – выхватив ключи, провыл атаман. От острой боли его аж перекосило.

– Ой-ой, совсем, видать, худо вам, господин разбойник. Вам бы к зубодеру хорошему обратиться. Слышал я, что в Кияже как раз есть знатный шептун, зубных дел мастер. Не то Инок, не то Инош его кличут... – залебезил историк.

Белый Клык и атаман переглянулись. Разумеется, держа в подчинении лучшего зубного колдуна, Хорт в первую очередь озаботился зубами своими и своих людей. И тот зуб, что сейчас заставлял его морщиться от боли, болел не просто так. По просьбе вожака, Инош вставил ему заговоренный золотой зуб, зачарованный на беду хитрым способом. Когда какая-то напасть начинала угрожать Хорту, зуб этот начинал побаливать. Чем ближе опасность, и чем большую угрозу она в себе таит – тем сильнее будет болеть зуб.

«Бедовый» зуб неоднократно уберегал атамана и его людей от несчастий, вовремя их предостерегая. И, судя по всему, сейчас опасность была нешуточной. Клык что-то пробормотал себе под нос и зашевелил пальцами, сплетая чары. Закончив, он обеспокоено взглянул на Хорта и покачал головой: никаких следов чужой магии окрест не было. И на дороге крыс-наблюдатель тоже никого не углядел.

– Так, слушать меня, други. Малыш с Бритвою хватают магов сундук. Хабар, Рыжий, Весел и Маркуш берут по коробке из тех, что потяжелее, да звенят пошибче – может книги какие ценные сыщем, или в тряпках да черепках золото укрытое. Комар и Костлявый с арбалетами встанут на дорогу, да будут смотреть в оба. Остальным перерыть телегу да всякие интересные мешки-сумки с собою взять. Потом разберемся, культурные там ценности или матерьяльные.

Старый историк с ужасом и недоверием уставился на атамана, даже пропустив мимо ушей вырвавшееся из его уст мудреное слово.

– Вы не имеете права! Это все является культурным достоянием королевства! – попытался возразить он, но Рыжий его резко оборвал тычком в бок:

– Слышь, дедуля, ты бы лучше помог да вещи из телеги выкинул. Может и сжалится атаман, оставит тебе пару книжонок да горшков битых. Или ты и впрямь где-то золотишко припрятал, а то и вовсе «пыльцу фей»?

– Да как вы смеете! Я уважаемый в столице человек, профессор кафедры...

– Эй, Айвен, – вмешался Хорт, – что-то наш прохвостор от жары уж больно разговорился. Заткни-ка ему рот.

«Пузырь», шаривший по телеге, ухмыльнулся и подскочил к возмущающемуся историку. Тот вскинул было руки, пытаясь защититься, но юноша оказался проворнее. Он выхватил из кармана кусок войлочной обмотки и сунул его в рот деду:

– Пчелы побрезговали, так хотя бы тебе пригодится. Ты, главное, особенно не принохивайся, – дал он добрый совет старику.

– Малыш, не поднимай сундук слишком высоко, а то нашему цирюльнику неудобно. Хабар, ну что ты копаешься? Живо, живо кабрровы дети, пока нам хвосты не подпалили.

– Атаман, мне кажется, что наш профессор больше не будет шуметь. Ты ведь не будешь больше шуметь? – любезно поинтересовался Айвен, присев рядом со стариком на телегу. Тот утвердительно кивнул.

– Брось его, и займись сумками, – отмахнулся Хорт, – но посматривай, чтобы не задохнулся. Нам лишний покойник не нужен, а уж тем более – неупокойник. Кто их, профессоров этих, знает?

– Я вытащу кляп, а ты пообещаешь себя тихо вести. На вот, дедуля, яблочком угостись. У меня их много! – доверительно произнес «пузырь» и указал на сумку, набитую яблоками, собранными со дна телеги.

Дождавшись кивка, он вытащил кляп и сунул на его место огрызок. Ласково потрепав старика по щеке, он выпрямился и, осторожно ступая среди разбросанного по дну телеги мусора, двинулся к сумкам.

Выплюнув яблоко, историк тяжело вздохнул и бессильно уронил руки. Халат на нем распахнулся, обнажив бледную старческую грудь, покрытую длинными шрамами. Судорожно подхватив полы своего одеяния, возница неуклюже закутался в него, нечаянно сбросив локтем с телеги пару черепков. Снизу раздались сухие щелчки – разбросанные по дороге цветные камни пришли в движение, потревоженные упавшими обломками, и покатались, сталкиваясь друг с другом.

Хорт, погружившийся в раздумья, услышав этот стук вдруг встрепенулся и осмотрелся по сторонам, но вокруг, как и прежде, не было ни души.

– Все, отходим! Что не успели собрать ...

Но договориться он не успел – раздавшийся со стороны телеги оглушительный треск, сопровождаемый отчаянным воплем, заглушил его голос. Кричал Айвен. К нему уже сбегались остальные, пытаясь выяснить, в чем дело.

Как оказалось, одна из досок, видимо совсем прогнившая, проломилась, и левая нога юноши провалилась по самое бедро. Общими усилиями удалось успокоить орущего «пузыря» и высвободить ногу. Выглядела та просто ужасно: острые щепки изорвали в клочья штаны и исполосовали ногу. Зуб атамана снова начал покалывать.

– Эй, чего уставились, кабрровы дети? Ну-ка, живо, вернулись к работе! Здесь и без вас есть кому разбираться! – пинками да затрещинами разогнал Хорт разбойников и подозвал колдуна:

– Останови ему кровь и очисти от заразы. Боль можешь не снимать – будет ему наука. Сможешь все это сделать на ходу? – дождавшись ответного кивка, атаман скомандовал: – Все. Двигаем отсюда, да копытами пошевеливаем. Рыжий, передай свой сверток Комару, а сам помоги Айвену.

Отходил Хорт последним, внимательно наблюдая, чтобы его люди не оставили после себя ничего такого, что могло бы помочь чародеям-ищейкам их отыскать. Один за другим исчезали груженные награбленным добром фигуры под восстановленным Иношем мороком, чтобы никто не мог проследить, куда они направились. Посмотрел на жертву ограбления: старик все так же сидел на краю телеги, подтянув колени к груди, обхватив их руками и опустив голову вниз. Лица его не было видно из-за длинных волос, но плечи историка мелко сотрясались от

рыданий. На какое-то мгновение Хорту даже стало жаль бедолагу, но он быстро выбросил эти мысли из головы – на большой дороге жалости и состраданию не место!

Атаман развернулся и зашагал в сторону леса, куда отправились остальные разбойники. Оказавшись под пологом, он увидел сидящего на корточках зубодера и стоящего рядом бледного Айвена.

– Давай, колдун, делай свое дело. Да только смотри, не перестарайся.

Тот лишь хмыкнул в ответ. Ухватив «пузыря» за руку, старый чародей полоснул его острым ногтем по запястью, а когда показалась капелька крови, начал тянуть из юноши ману. Выкачанную ранее магическую силу колдун потратил на создание заклятия невидимости и на исцеление его разодранной ноги. А предстоящая волшба требовала огромных расходов маны – почти на пределах возможностей Иноша.

Все компоненты заклятия были уже готовы, и едва первые слова сорвались с губ, над головою все еще неподвижно сидящего историка тускло засветился магический символ и тут же растаял. Все. Семейное заклинание, которое передавалось в семье колдунов-зубодеров от отца к сыну, одурманило разум несчастной жертвы, путая и стирая из его памяти события последних минут. Ограбление, лица и голоса разбойников – все это перемешалось, стерлось, растаяло вместе со знаком над головою старика.

...Пациенты Иноша-зубодера никогда не жаловались на болезненность лечения, хотя иногда обычные заклинания обезболивания оказывались бессильны. В таких случаях в ход шел «мыслекрут», как называл семейное заклинание сам колдун. Как оно работало, зубодер представлял смутно, но после него последние воспоминания у жертвы путались, детали терялись, а ощущения – в том числе боль, страх или голод – и вовсе пропадали. Что было, что не было – словно плохо запомнившийся сон.

Благодаря Иношу банда Хорта вот уже три года безнаказанно хозяйничала на дорогах Кияжа. Несчастные жертвы не запоминали ни лиц, ни голосов, ни даже количества грабителей – никаких примет. Тот же историк уже завтра мог стричься у Бритвы или чинить башмаки у Рыжего, не узнавая ни того, ни другого. Конечно, иногда жертва не поддавалась действию чар, но в таких случаях атаман не церемонился – Люркерское болото не даром считается бездонным, схоронит и еще одну тайну...

Солнце уже клонилось к горизонту. Посреди дороги стояла телега, в которую были впряжены две старые клячи. К лошадям снова вернулись слух и зрение, они беспокойно оглядывались по сторонам, прядали ушами и негромко фыркали, пытаясь привлечь внимание хозяина, сидевшего среди разбросанных грабителями вещей. Старик по-прежнему сидел, обхватив колени руками и опустив голову, а плечи его вздрагивали.

Тихий звук, издаваемый возницей и так беспокоящий лошадей, начал усиливаться. Сухие, покрытые густой сетью морщин, руки разжались. Легким движением головы историк отбросил назад длинные седые волосы, подставляя лицо ласковым лучам вечернего солнца. И по окрестностям разнесся его веселый и искренний смех...

Глава 3. От сумы да от тюрьмы – не зарекайся

*«Сижу за решеткой в темнице сырой,
В тюремных застенках – орел молодой...»*
из письма тюремного стражника своей невесте...

Старый пес в последний момент увернулся от брошенного камня и сердито клацнул зубами в сторону обидчика, босоногого мальчонки лет десяти. Кияж встретил уставшего бродягу неласково. Сначала стражники у ворот, смеясь, швыряли в него огрызками на спор. Потом дородная дама плеснула кипятком, отгоняя собаку от детской коляски. И, в довершение ко всему, пес ухитрился забраться в жилище уличного фокусника, соблазнившись исходящими из-за двери ароматами. Некстати вернувшийся иллюзион совсем не обрадовался незваному визитеру, и наградил его колдовской чесоткой – нечего нос совать, куда не следует! Добрых два часа обтирался пес о каждый встречный угол расчесывая бока в кровь, пока действие заклинания не ослабло.

А теперь еще и этот привязался. Сорванец не отставал от собаки уже два квартала, преследуя в толпе и метко швыряясь в него камнями. Причину такой привязанности пес объяснить не мог – скорее всего, сорванцу просто было скучно, вот он и придумал себе такое нехитрое развлечение.

Замерев на перекрестке, бывший королевский стравник принялся: налево пахло выделанной кожей, свежей краской и кислыми растворами; из правого же переулка доносился аромат теплой пищи и прокисшего вина. Оросив угол соседнего дома – чем мудрый пес занимался от самых городских ворот, помечая обратный путь – он свернул направо. Мальчишка же, помявшись немного, махнул рукой и отправился восвояси, не желая испытывать свою удачу в так называемом Пьяном Переулке...

В отсутствие суровых и скорых на расправу Клыка с Хортом, Айвен разительно менялся. Сейчас он спокойно брел среди торговых палаток, жуя яблоко, и никто не узнал бы в нём затравленного «пузыря». Цепкий взгляд, упругая походка, уверенная улыбка на губах – не уличный воришка, а княжеский сын инкогнито, не иначе! Добыча была надежно укрыта по тайным схронам – негоже светить награбленное добро сразу же после налета. Хорт попросил юношу отыскать оценщика, который мог бы дать цену этим черепкам да книгам. Обычно обращались к Трехглазому, но тот ухитрился угодить в холодную вместе с Ловкачом, лучшим взломщиком банды Хорта.

...И ведь так глупо вышло – отмечая именины скупщика, они взяли крохотный кувшинчик галюновки у хешемского заезжего наемника, напились до зеленых бесов и начали их гонять по всему Рыбному кварталу саблями. Видения видениями, да вот только один из них как раз и оказался самым настоящим – фамилиаром хеонского демонолога. Хорошо еще, что стража гналась за приятелями аж от самого трактира, а не то чародей устроил бы самосуд: отдал их какому-нибудь демону, или вовсе превратил бы в бесов и сделал своими фамилиарами. Всю жизнь колдуну тапочки приносить да смертельно опасные зелья смешивать – то еще занятие. В общем, отделались они малым: заплатили демонологу по три сотни серебра с брата и сели в холодную яму на добрые две седмицы...

Юноша убрался в сторону, от греха подальше: мимо несколько стражей вели какого-то оборванца, который тщетно пытался вырваться из их цепких рук, оглашая окрестности проклятиями. Айвен успел наткнуться на взгляд незнакомца: цепкий, пронзительный и насмешливый. От этого взгляда по спине вора побежали мурашки и сразу стало зябко.

– Смотри перед собой, руки на виду держи, – прикрикнул стражник на задержанного, и процессия прошла мимо.

Дожевав яблоко, юноша сунул руку в сумку за следующим, но яблока там не нашел. Зато нашел там еще одну руку. Чужую. Схватив воришку покрепче, Айвен обернулся. Позади него приплясывал от боли рыночный шупач по прозвищу Хорек – вор не только наглый, но и весьма неумелый, от чего часто бывал угрюм и бит. В том числе и своими коллегами по ремеслу – чтобы не позорил профессию.

– Эй, друг, да ты никак мне долг решил вернуть? – с деланной радостью воскликнул Айвен. Лицо Хорька же сразу осунулось и помрачнело:

– Это какой еще такой долг? Ничего я тебе не должен.

– Как это не должен? Две минуты назад ты мне задолжал шесть спелых сладких яблок и новую сумку.

– Пять яблок, кислых и червивых, – машинально поправил его воришка и погрузился еще больше поняв, что выдал себя с потрохами.

– Ну вот видишь! – начал медленно, но неотвратимо выламывать ему указательный палец Айвен. – Я так понимаю, ты решил меня по такому пустяку не беспокоить и тихонечко положить в сумку двадцать серебряных полушек? Верно?

– Двадцать серебра?! Да я за такие деньги себе бочку золотых эрийских яблок куплю! – возмутился было Хорек, но тут же завыл от боли в выворачиваемом пальце. – Отдам десять!

– А пальцы новые ты себе за сколько монет пришьешь, а?

– Аааа... Пятнадцать полушек. Больше у меня нету.

– Ладно, давай пятнадцать, – сжалился юноша, отпуская руку незадачливого вора.

Монеты с тихим звоном переключались из одного кошелька в другой, и Айвен дружелюбно улыбнулся:

– Ты это, не злись на меня. А если еще яблок захочешь – приходи, не стесняйся – у меня их много! Да и расценки мои уже знаешь...

Пробурчав что-то непонятное но, несомненно, очень обидное, Хорек скрылся среди палаток, баюкая пострадавшую руку.

– А я уж думал, что это я самый невезучий вор в этом кабрровом городишке, – усмехнулся Айвен и схватил следующее яблоко. Машинально. С торгового лотка. Подняв голову, он увидел дородную торговку, с подозрением рассматривавшую его. Поросычьи глазки ее, едва выглядывавшие из складок жира, так и сверлили незадачливого вора.

– Семь медяков! – заявила она.

– Эй-эй, имей совесть, красавица! Несомненно, любой плод из твоих ласковых рук будет стократ слаще и нежнее, но не на семь же медяков!

Услыхав такое количество комплиментов, «красавица» весьма натурально хрюкнула от удивления. Взгляд ее стал еще более подозрительным, а в рыхлой огромной ручище появился крохотный серебряный колокольчик со знаком пчелы – магический «гудок», вызывающий городскую стражу.

– Ненавижу пчел! – простонал юноша, кладя яблоко на место, – Ладно, успокойся, о прекраснейшая, ведь печать злобы усыпает морщинами твое дивное лицо. К тому же, я и не собирался ничего покупать...

– Тогда зачем ты яблоко взял? – пробасил кто-то сзади.

Вор оглянулся: судя по всему, сегодня на какой-то ферме, где разводят свиней, был день открытых ворот. Стоявший позади грома был на голову выше Айвена, а в объёме и вовсе втрое. Скорее всего, это был брат жирной торговки.

– Я просто... Просто я искал способ начать разговор с этой прекраснейшей леди! Когда я шел мимо, то не смог не заметить – ее вообще трудно просмотреть – столь утолщенной... То есть, конечно же, я хотел сказать утонченной! Столь утонченной особы, чьи глаза прожгли меня

до самого сердца, породив настоящий пожар любви!.. Как-то вот примерно так, – выдохнул юноша остатки воздуха из легких.

– Э... А... – «утонченная особа» словно рыба открывала рот, не издавая не звука. Похоже, столько комплиментов, как сейчас, она не получала за всю свою жизнь.

Айвен бросил быстрый взгляд на левую руку торговли и с удовлетворением отметил, что на безымянном пальце ее блестит обручальное кольцо. Точнее, обручальный браслет, если судить по толщине этого самого пальца.

– Увы и ах, но что я вижу! На хрупкой ручке сверкает серебро! Ты отдана другому, любовь моя? Мое сердце разбито! Я унижен, я в отчаянии, я погибаю от неразделенной любви! Пойду, повешусь и напьюсь...

Закончив свою тираду, он резко развернулся на каблуках и зашагал прочь отсюда. Но с удивлением заметил, что сдвинулся с места всего лишь на фут, да и то – не вперёд, а вверх. Обхватив его своими ручищами, громила приподнял юношу над землей, не позволяя ни уйти, ни вытащить оружие.

– Ты трогал его, сопляк! Ты обтискал яблоко, и теперь его никто не купит даже за полцены, – человек-боров развернул Айвена к себе лицом и поставил на землю, крепко придерживая при этом за плечо.

– Можно подумать, я первый! Да за семь медяков я себе несколько золотых эрийских яблок куплю! А на этом яблоке рота мух именины справляла, вон, засиженное какое!

– Плати! – сжал его посильнее громила, и ребра начали легонько потрескивать.

– Сколько? – обреченно вздохнул вор, понимая, что избежать платы не удастся.

– Четыре медяка.

– Я правильно расслышал? Потрогать вот это гнилое яблоко стоит четыре медяка?

– Мало? Могу накинуть, – ухмыльнулся гигант, демонстрируя дыру на месте двух передних резцов.

– Эх, Иноша на тебя нет. Ладно, вот твои деньги, – юноша повернулся к торговке, – Наше счастье было таким недолгим, таким скоротечным, любимая. Я уйду, оставив с тобою свое сердце и эти четыре монеты. Не забывай меня, о прекраснейшая!

Громила отпустил его, и Айвен припустил восвояси, стараясь как можно быстрее покинуть свою «возлюбленную».

Отдышавшись, он снова неспешно двинулся между палаток, вскользь осматривая лотки, заваленные товарами, и вслушиваясь в столь привычный и ласкающий слух базарный гул.

– Сладости! Хешемские сладости! Такие сладкие, что сами к рукам липнут! Раз укусишь – целую седмицу рта не раскроешь!

– А кому хлопושки-веселушки? Есть простые, есть заморские гномьи-алхимические, а есть и настоящие хеонские, волшебные!

– Череп люркера! Настоящий череп болотного люркера! Толченый исцелит от мужского бессилия, а заваренный – от женских дней!

– Дурак ты, Серемин, от мужского бессилия не череп, а рога люркерские нужны!

– Толочь, или заваривать?

– Приматывать, балда деревенская!

– Снимаю сглаз и порчу, гадаю по руке, по деньгам и потрохам. Потроха и деньги – ваши, предсказание – мое!

«Райское место и целая куча нереализованных возможностей!» – мысленно улыбнулся Айвен.

«Только не для такого неудачника, как ты!» – услышал он вдруг чей-то голос.

– Ой, приятель, зря ты меня обидеть пытаешься, – злобно прошипел юноша и резко обернулся, выхватывая нож.

Но позади никого не было. Лишь в пяти шагах о чем-то спорили две молодухи, не обращая на него никакого внимания. Айвен осмотрелся в поисках наглеца, но он стоял совершенно один у высокой стены, ограждающей рынок.

«Не там ищешь... Неудачник», – хихикнул голос.

– А ведь когда найду, хихикалку вырву, – пригрозил вор и посмотрел сперва вверх, а потом вниз. Прямо у его ног лениво копался в останках рыбы голубь.

– Попался! Сейчас я тебе перышки-то по одному и повыдергиваю, – обрадовано воскликнул юноша и спрятал нож.

«Дурак ты, Айвен», – снова услышал он.

– Эй! Ты чего обзываешься? Я, между прочим, в самом настоящем сколярии учился!

«А разве это что-то меняет? Нормальные люди, они с птицами не разговаривают...»

– Так ведь больше и не с кем. Ладно, сдаюсь, вылезай. Небось, опять Инош свои шутки шутит? Неужели все еще злится, что я из его жаб суп сварил? Супчик-то отменный вышел, зубодер сам за обе щеки уплетал да нахваливал! Между прочим, деликатесное заморское блюдо! Ну, где ты?

«Вопрос неверный. Лучше спроси, кто я!»

– Хорошо. Итак: кто ты?

«Я – это ты. Твое второе Я, твой внутренний голос...»

– Вон оно как... – задумался Айвен. – Нет. Не можешь ты быть моим вторым Я, – уверенно заявил он.

«Почему это?»

– Ну во-первых, у меня голос не такой противный. И вообще я даже в менестрели хотел однажды податься, правда, меня тогда с краденой мандолиной на месте и повязали... И, во-вторых, я бы сам себя не обзывал, а вовсе даже наоборот, всеми силами стремился бы поднять самооценку.

«Мда. Всего два года в сколярии провел, а уже каких слов успел нахвататься. Не хочешь, не верь, но я и в самом деле твой внутренний голос».

– Ладно. Допустим, я тебе поверил. Зачем пожаловал-то?

«Ну, вообще-то я всегда был рядом. Точнее, внутри тебя. Просто как-то поводов для беседы не было».

– Ага. А сейчас, значит, повод появился?

«Больно стало смотреть, как ты таланты свои на ветер пускаешь. Какой знатный вор мог бы из тебя выйти, если бы за ум взялся! А ты? Несчастное яблоко стащить не смог!»

– Да если бы этот боров-переросток не появился, то я бы корзинку яблок задаром уволок. Видал, как эта толстуха на меня смотрела? Еще немного, и я бы покорила ее огромное, но хрупкое сердце.

«Я просто смотрю на факты. Яблоко осталось, где и было, а ты еще и четыре медяка заплатил. И кто ты после этого? Неудачник и есть...»

– Так. Мне все это надоело. Не хочу тебя больше слушать. И вообще, тебя нет, ты мне просто кажешься. Наверное, у того историка яблоки гнилые были, вот я и отравился.

«Тем не менее, я здесь, а ты и деньги заплатил, и без яблока остался».

– Сто кувшинов эля стояли на столе. Один кувшин упал, разбился, и осталось их девяносто девять! Девяносто девять кувшинов эля, стояли на столе!.. – начал орать Айвен, одновременно прикрыв уши ладонями.

«Извини, но я не снаружи, а внутри. Так что не поможет. Хотя, должен признать, песенка забавная. Хочешь, я буду тебе напевать ее ночами? И, кстати, голос у тебя действительно противный».

– Чего тебе нужно от меня! – заорал взбешенный юноша. Проходивший мимо старик отшатнулся, осенил себя знаком Чистого Ио и быстро поковылял прочь.

«Хочу, чтобы ты показал, чего стоишь!»

– Показать тебе, значит? Да проще простого! – Айвен зашагал в сторону ближайшего торгового ряда, где продавались фрукты.

Особо не присматриваясь, он выбрал самый крайний навес. На лотке стояли корзины со всевозможными спелыми фруктами: груши, яблоки, виноград, крупные дыни и даже редкие в этот сезон фарюки источали просто невероятный аромат.

– Смотри и учись! – сам себе фыркнул юноша и выхватил яблоко прямо из рук зазевавшейся торговки. В последний миг, рука вора вдруг сама собою дернулась, и вместе со спелым плодом стащила одно из колец, во множестве украшавших изящную дамскую ручку.

– Ой, мамочки, меня кажется грабят! – в приятном женском голосе слышались нотки страха.

– Я не граблю, я обворовываю, поправил ее Айвен, поднял голову и... просто утонул в омуте прекрасных зеленых глаз.

Девушка была невероятно красива. Про таких слагают баллады, из-за таких начинаются и прекращаются войны, и из-за таких Айвен теряет дар речи. Правда, совсем ненадолго. Мысли проносились в его голове с безумной скоростью: «А она хороша. Очень хороша, а значит устала от банальных комплиментов», – прикидывал он, – «Значит, обычный вариант не годится...»

– Госпожа! Я больше не могу таить этого в себе, слова и чувства мои рвутся наружу! Признаюсь, что я вами просто покорен. Покорен вашим умом и безграничной мудростью, которую я вижу в ваших прекрасных глазах! Что значит красивая оболочка, если она пуста? Но вы – во всем другое дело, о несравненная. Свет ваших глаз, это свет мудрости, свет тайных знаний. Мне не доводилось беседовать с вами, но я уверен, что ум ваш столь же гибок, сколь гибок и этот дивный стан...

– Госпожа Урс, что случилось? – двое запыхавшихся стражников выросли возле палатки.

– Ничего особого, – ослепительно улыбнулась девушка, – просто вот этот молодой господин имел наглость вырвать из моих рук яблоко и украсть кольцо!

– А ты украла мое сердце, – прошептал юноша.

– Понятно, – усатый стражник бережно вынул из руки вора яблоко и украшение, и передал их красавице. Схватив юношу за воротник, он подтащил вора поближе и злорадно прошептал: – Ну и влип же ты, приятель. Это надо же, попытаться ограбить единственную дочь начальника городской стражи!

– Ну, и что делать будем? – обратился Айвен к своему внутреннему голосу, но тот молчал, словно его никогда и не было.

– Известно что, – усмехнулся усатый, – в холодную тебя бросим, за кражу. Извините за беспокойство, госпожа Урс.

Раскланявшись, стражники крепко ухватили юношу под руки и потащили к выходу. Бросив прощальный взгляд на роковую красотку, Айвен увидел сияющие в прекрасных глазах озорные огоньки и печально вздохнул. Он начал оглядываться по сторонам, надеясь отыскать лазейку и вырваться из рук стражи, но тут вдруг его запястье словно огнем обожгло. Юноша окончательно поник: стражник поставил ему «клеймо арестанта» – особую магическую метку, увидев которую любой стражник знал, что перед ним преступник, который должен находиться в тюрьме. Теперь бежать было бесполезно, потому что обладателя такой метки отыщут, где бы он ни находился. До сих пор колдуны воровской Гильдии бились над этой меткой, но управы на нее не нашли.

Доставили на дознание и оформили его быстро: по факту задержания на месте преступления при свидетелях и с усугубляющими обстоятельствами. Эти самые «усугубляющие обстоятельства» в образе прекрасной дочери главы городской стражи настолько заняли мысли юноши, что он словно в тумане наблюдал за суетой вокруг своей персоны и утвердительно

отвечал на любые поставленные вопросы, даже толком не вникая в них. Приговор – штраф в сто серебряных монет и полгода холодной ямы. Срок, конечно, немалый, но хорошо хоть, без воровского клейма отделался, с такими-то «усугубляющими обстоятельствами».

Глядя на не совсем нормальное состояние пойманного вора, приговорщик и вовсе хотел решить дело одним штрафом, сославшись на действие пыльцы фей или камня-дурманита, но простейший служебный артефакт-анализатор показал, что юноша чист. Но, пошептавшись со стражниками, со вздохом шлепнул печатью по арестной бумаге.

Наконец, все формальности были улажены, и строгий конвой повел юношу в городскую тюрьму. Собственно, Айвен здесь бывал уже не раз, но как и всегда, при виде этого мрачного сооружения у него сжалось сердце. Не от внешнего вида тюрьмы, а при воспоминаниях о ее мрачной истории и дурной славе.

...Для такого небольшого и малозначительного городка, как Кияж, местная тюрьма была слишком хороша. Впрочем, это и не удивительно – триста лет назад она за три месяца целиком и полностью была возведена здесь по указу короля Маркуса для того, чтобы содержать одного единственного заключенного. Имя его, согласно тому же указу, было предано забвению, равно как и деяния, за которые негодяй удостоился такой чести. Опасный государственный преступник – вот и все, что было о нем известно. Все остальное было лишь домыслами да слухами. Если верить самым популярным из них, то в тюрьме более двухсот лет содержался закованный в алмазовые цепи внебрачный сын самого короля, рожденный от безумной суккубы. На заплатах он жрал исключительно невинных младенцев и пил свежую кровь праведников, доставляемых ему под видом преступников.

Как бы то ни было, но одна из самых надёжных тюрем королевства находилась именно в Кияже. Шестигранное каменное здание высотой всего в два этажа, она могла содержать до двух тысяч преступников. В этом не было никакой магии, просто большая часть Боргарда, так называлась тюрьма, находилась под землей. Разветвленная сеть казематов больше походила на самый настоящий лабиринт, в котором немудрено было запутаться даже держа в руках карту. А вот в этом уже была виновата именно магия. Боргард был построен при непосредственном участии Карема Архитектора и его лучших учеников. Прославленный архимаг потратил немало сил при строительстве, и тюрьма почти не уступала Торнгарду, тюрьме-крепости имени Семи мятежных королей, расположенной в столице Арлании.

Многорукий Гаррет, наставник Айвена и вот уже более десяти лет бессменный глава Гильдии Воров Кияжа, утверждал, что каждую ночь расположение камер в Лабиринте Боргарда менялось непостижимым образом, и любая сколь угодно точная карта оставалась правдивой в течение одного лишь дня. А еще, пройдя не одну тысячу шагов по прямой и прокопав подземный ход, ты мог запросто оказаться всего в двух шагах от тюремных стен. Обладатель же «метки узника» и вовсе не способен покинуть стены Лабиринта, снова и снова возвращаясь к своей камере. Зачарована тюрьма была на совесть и на Гексакулум Запрета, а это значит, что любое заклинание в ее стенах теряло свою силу, делая Боргард отличной тюрьмой и для чародеев.

Старый вор, проведший две трети своей жизни за стенами Боргарда, прославился еще и тем, что стал одним из немногих, кому удавалось оттуда сбежать. И был единственным, кому удавалось проделать это трижды. Как ему удалось выбраться из камеры, пройти Лабиринт, минуя стражей – в том числе и далеко не человеческого происхождения – и многочисленные ловушки, избавившись при этом от «метки узника»? Эту тайну Гаррет хранил и по сей день...

Как бы то ни было, но Айвен точно знал две вещи. Первое: из Боргарда ему самому не выбраться. Второе: сидеть в тесной камере с каким-нибудь убийцей или безумцем следующие полгода ему не хочется. А поэтому он предпринял последнюю попытку избежать тюремного заключения и воспользовался своим правом на вестника свободы.

...Каждый преступник после подписания обвинительного приговора имел право тут же отправить письмо в любое место страны. Особый королевский указ предписывал тюремному начальнику во что бы то ни стало доставить письмо по назначению в течение двадцати четырех часов и не более. Любые расходы на доставку «вестников свободы» брала на себя королевская казна, и заключенному гарантировали сохранность послания и его непременно доставку адресату. И было совершенно не важно, посылалось ли письмо с конным гонцом, голубиной почтой или с помощью магии. Писались такие письма на специальной бумаге с помощью артефакта-дальнописца, тут же тайно отправлявшего копию текста напрямую в Тайную Канцелярию, но за изменение, перехват или подделку «вестника свободы» полагалась суровая кара вне зависимости от имевшихся на то причин и личности злоумышленника.

Айвен отписал своего «вестника» Хорту. Как и положено, в распоряжении воровской Гильдии всегда было несколько лучших языкарей, которые как раз и занимались тем, что вызволяли из тюрьмы угодивших туда воров. Конечно, хлопотали они не за каждого неудачника или неумеху, а только за видных специалистов, имеющих большой вес в Гильдии. Правда, Айвен не был ни видным вором, ни членом Гильдии, но зато их атаман исправно платил ворами десятину с каждого налета, получая за это доступ к услугам гильдейских скупщиков и языкарей, а заодно и какую-никакую защиту своих людей от других мастеров дубины и топора, хозяйничающих на близлежащих трактах. Если все пойдет, как положено, то не пройдет и двух дней, как он снова окажется на свободе – почти всегда так оно и случалось. Каждый из членов шайки хотя бы раз оказывался в Боргарде: за драку, за кражу, за непотребный вид или даже просто за плохое настроение некстати подвернувшегося стражника. Вот тогда-то гильдийская десятина и давала о себе знать, позволяя вытащить бедолагу из холодной ямы, если Хорт считал, что ему там не место. О том, что атаман может решить попридержать своевольного «пузыря» какое-то время на казенных харчах и подальше от жаркого солнца, юноша предпочитал не думать...

Одевая в отправной комнате тюремную робу, Айвен насвистывал незатейливую мелодию из какой-то фривольной песенки. Разумеется, приподнятое настроение преступника, отправляющегося в холодную на добрых полгода не укрылось от стражи:

– Эй, Барт, ты погляди-ка, какой веселый. Небось, первый раз у нас гостит, хе-хе. Песенки поет. Слышишь, музыкант, тебя как звать-то?

– А зови ты меня вольным ветром, пес казенный, – отозвался юноша. – День-два, и я снова буду там, где поют птицы, а ты как и прежде будешь слушать лишь скрип решеток да проклятья узников.

– Ишь ты! Без пяти минут в кандалах, а ведет себя словно начальник Боргарда, – удивился второй стражник, – На дворянчика вроде не похож. Может, он блаженный или ученый какой...

– А в чем разница-то? – рассмеялся его приятель. – Так как твое имя, вольный ветер?

– Да ты в бумагах глянь, если читать умеешь, конечно.

– Мне по чину читать не положено! Ишь, развелось тут умников... В какого вора не плюнь, так каждый на двух языках говорит, на трех читает, да на четырех пишет.

– Ай... Ве... Н. – по слогам прочитал второй стражник, взяв со стола бумаги.

– Айвен? Слушай, а ты не тот ли самый Айвен, а? Который по первому сроку нашего Редика аж три раза обворовал? Просил воды напиться и каждый раз у него для верности по два ключа со связки снимал, чтобы уж точно не ошибиться. Шесть штук спер!

– Да вот только своего ключа так и не вытащил? Как же, помню – такое не забудешь. Вот уж точно, вор, каких мало... – со смехом подхватил второй охранник.

– А нечего ему было шляться, где не положено! Кто ж знал, что он случайно забрел? Тоже мне, святой Аннис выискался, заключенным напиться подносит... Чего он мне воду таскал, если вообще должен был на другом этаже быть? – вспыхнул юноша.

– Трудно вытащить из связки ключ от своей камеры, особенно если там его нет, – философски заметил умеющий читать стражник и снова рассмеялся.

– Это оно верно, – согласился второй. – Жалко, что ему быстро разъяснили, что бежать отсюда не удастся даже с верным ключом. А то мы бы еще повеселились.

– Ему-то может и разъяснили, а вот подруге его... Слышал эту историю? Как к нему девка бегала, такая чернявая и глазастая.

Зубовный скрежет, который при этих словах издал Айвен, показал, что Инош не зря считается лучшим зубодером. Вор прекрасно помнил этот эпизод.

– И принесла эта девка нашему вольному ветру очень интересную торбу со снедью. Видать, совсем плохая она повариха была, потому что медовуху настаивала на ржавой пилке. Я даже сначала подумал, что надо бы глаза у казарменного лекаря проверить, а потом смотрю – так оно и есть, плавают в бутылки самая настоящая пилка. Хоть и ржавая, но острая. Такой и решетку перепилить можно, ежели умеючи...

– Инициативные нынче девки пошли. Да и кто ж знал, что эта простушка возьмет бутылку из чистого стекла?! – больше Айвен сдерживаться уже не мог, – Вымя отравила на две ладони, а ума так и не нажила к двадцати годам!

– Это да, ухватиться там было за что, и с заду, и с переду, – мечтательно причмокнул рассказчик.

– Ты лучше хватайся за нашего мальчика покрепче, да смотри, чтобы он вольного ветру от страху не пустил, – оборвал его второй стражник и взял цепь от кандалов, сковывавших ноги юноши. – Ну, Айвен, ты у нас в гостях не впервой, так что куда идти знаешь. И в ближайшие полгода ты будешь зваться у нас не иначе, как тюремным сквозняком...

Осторожно протиснувшись в неплотно прикрытую дверь, пес огляделся и принялся. Трактиров, подобных этому, он за свои годы странствий повидал немало и прекрасно знал, чего здесь можно ожидать. Помимо вполне ожидаемых запахов множества незнакомцев и всевозможной пищи, он уловил и кое-что смутно узнаваемое. Впрочем, собственное бурчащее брюхо было куда как важнее непонятного странного запаха, и поэтому пес осторожно, вдоль стены, начал пробираться в сторону кухни.

Он продолжал принимать, стараясь выделять не только запахи, но и их хозяев. Как показывал его немалый опыт, люди, сулящие неприятности, пахли весьма схоже вне зависимости от того, где и в какой ситуации они встречались – табаком, кислым дешевым вином или кровью. Кстати, и добрые люди тоже зачастую имели немало общих друг с другом ароматов, и чаще всего это был запах молока, теплого хлеба или жаркого пламени. Увы, если первые в этой таверне были в достатке и даже излишке, то пахнувших приятно людей псу обнаружить не удалось.

Один из двоих сидящих в тени за самым дальним столиком, вдруг ткнул своего лысого товарища в бок:

– Эй, Бритва, ну-ка глянь вон туда.

– Ну и что? Фарг опять нажрался и сейчас начнет приставать к девкам. Ну, получит по лбу кувшином, так ему не впервой...

– Да ты не туда, ты левее смотри! Возле вон той лавки.

– Кабрров мрель! Атаман, да это же та самая шавка!

– Хе, узнал?

– Да я эту мрелеву морду из тысячи таких же плешивых морд узнаю. Ну счас я его...

– Эй, эй, погоди, у меня тут одна мыслишка созрела... – Хорт нагнулся к цирюльнику и что-то зашептал ему на ухо. Бритва молча слушал его, и с каждой фразой улыбка на его лице становилась шире.

Наконец, двое закончили шептаться. Все это время пес неподвижно просидел под лавкой в ожидании момента, когда кто-нибудь уронит на пол хотя бы кусочек съестного.

Хорт подошел ко второму вышибале «Угрюмого булочника», который о чем-то беседовал с разносчицей, и, изобразив на лице возмущение, хлопнул его по плечу:

– Эй, я не понял, это что у тебя здесь творится? Стоило мне только отойти с приятелем парой слов перекинуться, как у тебя уже всякое зверье по трактиру шастает?

– Где? – удивленно обернулся тот.

– Да вон он сидит, кобель блохастый. В общем так, я разбираться не стану, чья это псина, но или ты сейчас же выкидываешь его, или я вышвырну отсюда тебя. Понял?

– Считаю что его здесь уже нет, Хорт.

Вышибала поднялся со своего места и направился к собаке. В то же самое время Бритва подошел к группе подозрительных личностей, сидевших за одним из столов. Конечно, в этом заведении таковым был каждый посетитель, но в исключительной подозрительности именно этой троицы не засомневался бы даже единственный действительно слепой попрошайка с площади Пяти Храмов. О чем-то быстро переговорив, сначала лысый грабитель, а потом и его собеседники выложили на стол несколько монет и уставились на разворачивающуюся посреди трактира сцену.

Громила как раз подошел к псу и грозно уставился на него. В ответ животное лишь вопросительно склонило голову и отчаянно завиляло хвостом, выпрашивая что-нибудь вкусное, или не очень вкусное, но питательное. К огорчению пса, ни кормить, ни терпеть его присутствия здесь не желали. Огромная ручища потянулась к шее собаки, намереваясь ухватиться за ошейник.

Хорт широко улыбнулся.

Бритва едва смог сохранить невозмутимый вид и не рассмеяться.

Три его новых собеседника напротив, снисходительно улыбались.

Рука сомкнулась на узкой полоске выделанной кожи с тисненым гербом, и приподняла собаку.

Пес жалобно скулил, но не сопротивлялся, когда вышибала вышвыривал его из таверны. Улыбки мигом сдуло с лиц Хорта и Бритвы.

– Мрелев пес! Да как же это... Да я же... – только и смог произнести лысый наблюдая, как один из подозрительной троицы сгребает его деньги со стола, – Ну, шавка облезлая, сейчас мы с тобой потолкуем...

Позабыв про свои вещи, цирюльник кинулся к выходу. Хорт попытался было его остановить, но лишь махнул рукой и вернулся доедать остывающий завтрак. Даже брань за окном не отвлекла его от аппетитного омлета. Кричал Бритва:

– А ну иди сюда, мрель блохастый! Ты что это мне там устроил в трактире, а, шапка с хвостом? Я же своими глазами видел... Да что видел – я на своей шкуре все почувствовал...

Голос вдруг оборвался. Раздался хорошо знакомый треск, а потом в стену трактиру бухнуло что-то большое и мягкое. И в спертом воздухе трактира, наполненном всевозможными и не совсем возможными ароматами, запахло отбушевавшей грозой.

Глава 4. Воины Тьмы

«Здесь сидел Гари Кьюзак на прозвищу Храмой.

Года 2424-27, 2427-28, 2431-35, 2436»

Надпись, выцарапанная на кирпичной
стене в камере 48 тюрьмы Боргард...

Спуск в подземелье Лабиринта на подъемнике отозвался в желудке Айвена маленькой бурей из сегодняшнего обеда и пары яблок – поужинать ему так и не довелось. Считалось, что этот эффект вызывает паутина заклинаний, плотно окутывающих катакомбы тюрьмы. Якобы сторожевая магия изучает каждого пришельца, и если тот оказывается узником, то его аура вплетается в сети сторожевых заклятий, настраивая против него тысячи ловушек и множество ужасных созданий, стерегущих преступников. И лишь когда он официально получит статус свободного человека или взойдет на эшафот, Боргард выпустит преступника из своих цепких лап. А однажды юноше даже довелось слышать версию о том, что подземелья тюрьмы находятся вовсе не в этом времени, и совсем в другом мире...

Разумеется, он во всю эту чушь не верил, но приятнее от этого ощущения не становились. Поблуднев, Айвен вцепился руками в перила и старался думать о чем-нибудь хорошем, приятном. Например, о вкусе спелых дынь, которые он просто обожал. Нет! Не о еде, только не о еде! Лучше уж думать о женщинах. От женщин желудок не выворачивает наизнанку. Хотя, они тоже разные бывают – некоторые действительно, без пары стаканов крепкого вина выглядят довольно жутковато... Но только не она. «Госпожа Урс» – так назвал ее стражник. Прекрасная, как мечта, рыночная торговка и дочь начальника городской стражи... Проклятая зазнавшаяся гордочка, из-за которой он оказался в этой тюрьме!

Тысяча волосатых каббров, ну неужели больше нет никаких по-настоящему светлых воспоминаний, не связанных с едой, выпивкой и его нынешним положением, на которые можно отвлечься? Что он любит? Деньги? Сотня серебряных монет штрафа за какое-то жалкое яблоко и кольцо наверняка с поддельным сапфиром! Не то... Поцелуй матери? Умерла, пытаюсь родить его на свет... Улыбка отца? Этого старого пьянчуги, который своего малолетнего сына трижды ухитрился продавать в услужение таким же никчемным неудачникам? Да в его улыбке дырок больше, чем зубов! Гррр! Думай, голова, бутылку красного куплю... Ласковое солнце? Угу, без малого семь часов на пузе, на самом солнцепеке провалялись – вся спина пузырями пошла! Радостный смех? Ага, вон те два стражника так и вовсе за животы схватились глядя на то, как он мучается. Все хихоньки да хаханьки им, кабрровым детям. Что б вас пчелы перекусали, да в такие места, чтобы ваши жены глядя на все это в полумраке не знали, радоваться им или грустить!

Живо нарисовав в воображении картину пчелиной расправы над стражниками, Айвен повеселел, и живот действительно отпустило. А едва пропала дурнота, как снова проснулся внутренний голос:

«Эй, художник-пчеловод-любитель, тебя хоть в какую камеру сажают? С кем вместе на койке прохлаждаться будешь?»

Юноша зябко поежился. «Прохлаждаться» ему предстояло в самом прямом смысле. Камеры в катакомбах Боргарда не зря называли холодными ямами – в них действительно было довольно прохладно. Какой там побег? Все мысли были заняты придумыванием способов согреться. Приходилось или много двигаться, чтобы размять скованные холодом конечности, или наоборот поменьше шевелиться и тщательнее кутаться, чтобы беречь драгоценное тепло. Тут и никакой Гексакулум против магов не нужен – итак зуб на зуб с трудом попадает, куда уж тут заклинания читать? А это ведь дело такое – на один звук да на полтона ошибешься, и таких

чудес натворить можно, что и сам рад не будешь. Впрочем, доводилось ему как-то вместе с магом прохладяться в одной яме. Так тот ходил в одних штанах да шапочке, и от него только что пар не шел, хотя никакой волшбы чародей не творил, и амулетов быть у него с собой не могло – все вещи отбирала стража и выдавала снова только при освобождении заключенного. Хотя, от магов всего можно было ожидать – на то они и маги.

Все от того же Гаррета Многорукого Айвен слышал, что в столичном Торнгарде совсем наоборот, довольно таки жарко и даже душно. Там у заключенных мысли от жары путаются, осужденные становятся донельзя вялыми и ленивыми. И если в Боргарде преступники «прохлаждались», то в Торнгарде они «парились».

«Эй, яблококрад, я к тебе обращаюсь, или ты уже своих не узнаешь?»

– Когда это ты успел своим стать, а? Я вообще тебя второй раз в жизни слышу! – возмутился Айвен.

Стражники переглянулись. Весь спуск занимал каких-то десять минут, и половину пути они уже преодолели, но проводить оставшиеся пять минут наедине с сумасшедшим им вовсе не хотелось.

«Можешь проговаривать слова про себя, чтобы не привлекать внимания. Я услышу».

– Еще чего! Мне таиться не от кого! И ты тоже не шепчи, говори громче. Здесь все свои, – юноша демонстративно подмигнул стражникам, с удовольствием наблюдая, как те схватились за дубинки. Немного припугнуть их не помешает. Впрочем, с «меткой узника» да еще и в катакомбах, даже десять вооруженных мастеров боя не представляли бы для стражи никакой опасности, так что надобности в оружии не было. Но одно дело понимать это умом, и совсем другое – принимать сердцем, да еще и в присутствии преступника, разговаривающего с самим собой.

«Выясни у них, в какую камеру тебя определили. Номер».

– Странный ты, – почесал вор затылок, но просьбу своего второго Я выполнил, – Эй, ребята. А вы в какую камеру меня на этот раз усадить решили?

– На пятый уровень, камера пятьсот четыре. Не царские апартаменты, конечно, господин вольный ветер, но сходить до ветру будет совсем близко, все удобства рядом, только руку протяни да смотри, чтоб не вляпаться, хе-хе...

«Плохо. В общем так, любой ценой попытайся попасть в четыреста одиннадцатую, на четвертый уровень.»

– Зачем это?

«Доверься мне. Просто там твой сосед очень быстро освободит свое место, и тебе не нужно будет с кем-то делить камеру. Будешь сам себе хозяин, один в двойной яме».

– Хм, а ты-то оттуда об этом знаешь?

«У меня свои источники. Пошептался тут с твоей интуицией... Ты бы почаще ее слушался, кстати, она плохого не посоветует.»

– Звучит как полный бред! Нет, ну вы его слышали? – повернулся Айвен к стражникам. Те отрицательно замотали головами, а пальцы на дубинках вмиг побелели от напряжения. Еще немного, и дерево захрустит.

– Вот и славно, значит спать будете крепче. В общем так, ребята, тут такое дело, что мне в камеру пятьсот четвертую ну просто никак нельзя.

– Не понял! Это что тут творится? – наконец, вспомнив о своем долге, охранники взяли себя в руки. К тому же, ну что им бояться какого-то воришку, да еще и на своей территории? – Каждая крыса будет нам указывать, в какую яму ее сажать, что ли? А может, тебе еще и бочку вина там поставить и девок срамных привести?

– Было бы неплохо, – оценил щедрое предложение Айвен, – Но дело в том, что я – служитель культа Мристого Иггра, Бесконечно Падающего в Бездну Творца и Отца Сущего.

– Какого-какого отца? – переспросил старший по званию стражник, тот самый, которому по чину читать было не положено.

– Сущего.

– Куда?

– В Бездну, ты разве не слышал? – пояснил ему младший, едва сдерживая смех.

– Эй-эй! Да я за Мристого Иггра тебе глотку ногтями перегрызу! – яростно вскинулся юноша. – У нас свободное для всех религий королевство, и нечего потешаться над моими богами! Иггр, сотворивший наш мир и всех его тварей – даже таких тварей, как вы оба – вечно будет падать в Бездну, и пока длится его полет, наш мир будет существовать!

– А какое отношение он имеет к камере пятьсот четыре?

– Пять-ноль-четыре. Цифры, обозначающие это число. Согласно нашей вере, цифра ноль является символом той самой Бездны, знаком множества бед и смерти, знаком конца света. Я не могу находиться в камере, в номере которой есть символ Бездны.

– Бред какой-то, – выдохнул старший охранник.

– Как и большая часть религий, – философски пожал плечами второй.

– Ладно. Тогда какой номер тебя устроит, о служитель странного культа?

– Да любой! Например, четыреста одиннадцатый. Сразу два символа Опоры и Надежды – хороший знак! – Айвен вытянул вперед кулак, оттопырив указательный палец и мизинец, демонстрируя те самые две Опоры.

– Хватит пальцы нам здесь гнуть. Боюсь только, что эта камера может быть занята.

– Проверь. Уверен, что в ней найдется место для верховного жреца Мристого Иггра!

– Ишь ты, какая важная птица к нам залетела. Сам верховный! – усмехнулся стражник, но потом согласно кивнул, – ладно, спускаемся на четвертый уровень. Если камера свободна, то определим тебя туда и бумаги выправим, а не то еще кляuzu напишешь, что мы королевский указ о соблюдении боговерия нарушаем.

– Благодарю за заботу, о достойнейший слуга закона. Мристый Иггр будет помнить о тебе, несясь сквозь бесконечность ко Дну Миров, – с напускной важностью кивнул юноша.

«Лихо ты их!» – внутренний голос был явно впечатлен, – «И что это за культ такой? Я о нем впервые слышу. Давно существует, много ли его адептов в мире?»

«Существует культ Иггра уже целых две минуты – с того самого момента, как я его придумал. И последователь у Падающего в Бездну пока что всего один. Но я могу сделать тебя помощником верховного жреца, и нас будет двое!»

«Опоры... Символ Бездны... Отец Сущего... Похоже, ты не так безнадежен, как я думал...» – задумчиво пробормотал внутренний голос и умолк.

Как и утверждал голос, в двухместной камере четыреста одиннадцать содержался всего один заключенный, который не проснулся даже от жуткого скрежета открываемой двери. Скрежет она издавала качественный и хорошо поставленный – Айвен знал, что заставить дверь так скрипеть намного сложнее, чем открываться совершенно беззвучно. Охранники сняли с него кандалы, и старший постучал по двери дубинкой:

– Эй, заключенный номер... номер... – эй, а какой у него номер? – повернулся он к своему приятелю.

– Нечетный.

– Хм, логично. В общем ты, в камере, принимай соседа. И не просто вора-неудачника, а самого верховного жреца какого-то то там Сущего в Бездну!

– Иггра! Мристого Иггра, Бесконечно Падающего в Бездну! – поправил его юноша.

– А ты заткнись и живо падай на свою койку. Надеюсь, вы поладите.

Дверь в камеру захлопнулась, и заключенные остались вдвоем. «Нечетный» был невысок и не отличался излишней упитанностью, но и худым назвать его было сложно. Определить

возраст мешал изможденный вид и клочковатая бородка, но было ему не больше тридцати, и не меньше двадцати двух лет. В общем, самый обычный человек, который с равным успехом мог быть и искусным убийцей, и простым ювелиром, и земельным дворянином. Не неженка, но и тяжелой работой не закален. Причем, лицо его показалось юноше смутно знакомым.

– Привет! Меня зовут Айвен, – первым поздоровался новоприбывший.

– Жрец, значит?

– А, не обращай внимания, просто навешал им выюнка на уши. А на самом деле я обычный вор и попался по глупости на горячем. А ты?

– Меня зовут Риул.

– Нездешний? Имя у тебя странное...

– Сам я с Островов, но на родине уже давно не был. Я... путешественник, изучаю древние места и ищу потерянные следы ушедших народов.

– Контрабанда артефактами?

– Нет, я вообще не из вашей среды. Я действительно ищу и изучаю древние места, но не ради наживы, а ради знаний.

– Ищешь ценности культурные, а не материальные? Ну-ну. Знания, они ведь дорогого стоят. Например, свитки с утерянными могущественными заклинаниями, или карта с указанием местоположения древнего магического арсенала. А впрочем, это дело твое. За что оказался в Боргарде?

– Так вот значит, как это место называется?

– Чудак человек! Ты что, даже не выяснил, где очутился?

– Я здесь всего второй день. Меня задержали вчера утром, на площади Разногласия...

– На площади Разноглазия, – поправил его Айвен.

– Не понял.

– Площадь так названа из-за храма Мерхерера Разноглазого. Древнего бога, который левым глазом пронзает мглу, а правым наблюдает за слепящим светом звезд. Храму больше семиста лет, и, хотя самого культа этого бога уже три века как не существует, но снести здание до сих пор не удалось даже с помощью магии. Поэтому однажды было решено просто немного сместить саму площадь, чтобы храм оказался не в ее центре, а на самом краю. Стоит там себе – ну и пусть стоит, лишь бы не мешал.

– А в центре площади?

– Ой, чего там только не было за эти сотни лет: и статуи, и фонтаны, и храмы, и даже Университет однажды отстроили. Каждый раз площадь меняла свой облик и название, и только храм Мерхерера стоял неразрушимым памятником исчезнувшему богу. В конце-концов, очередной правитель Кияжа оказался достаточно умен, чтобы дать площади название в честь единственного неизменного ее элемента. За что тебя сюда упекли?

– Удивительная история! Меня арестовали за драку.

– Что-то не сильно ты похож на любителя кулаки почесать, – скептически осмотрел вор своего нового знакомого.

– Я защищал свою жизнь. Перешел дорогу кое-кому из тех, кто не любит прощать обиды. Подался в бега, но, видимо, не смог замести следов...

– В таком случае можешь быть спокоен. В Боргарде он тебя не достанет. Надолго тебя на койку прохлаждаться отправили?

– Мерзавцев, напавших на меня, так и не смогли найти – они забрали своих раненых, а свидетельских показаний хватило на сорок неполных седмиц.

– Хороши свидетели! – присвистнул юноша, – Столько даже за трактирную драку с вредительством здоровью и спокойствию трезвых граждан не дают.

– Ну, мечом я вроде неплохо владею, да и пару магических амулетов пришлось использовать. Так что потасовка вышла шумной и приметной. А ты сам как, надолго?

– Если повезет, то на пару дней. А если как обычно, то полгода придется тут с тобою куковать. Еще и штраф уплатил в сотню серебра... А я еще жаловался, что у той жирной коровы яблоки дорогие, по семь-то медяков!

– У какой еще коровы? – заинтересовался Риул.

– Долгая история. Может, потом расскажу. Да и хвастать там особо нечего.

– Отбой! Отбой по камерам! – раздался вдруг зычный голос обходного стражника, усиленный магией и эхом.

– Мрель! – припомнил в сердцах излюбленное ругательство Бритвы юноша.

– Чего-чего?

– Не обращай внимания. Просто, поужинать сегодня не довелось, да и, похоже, уже и не удастся. Это эльфийское ругательство. Правда, эльфийского языка я не знаю...

– Ну, это я и сам понял, – хмыкнул путешественник и чему-то улыбнулся.

– Ладно, ты давай, укладывайся, а я пока посмотрю, какими удобствами меня на этот раз порадует Боргард. Раньше мне выше шестого уровня бывать не приходилось, а там камеры хуже.

Риул хотел было что-то еще сказать, но махнул рукой и лег на свою койку, стараясь уснуть и не обращать внимание на копошение своего сокамерника у противоположной стены. И вскоре свет, который давал серебристый мох, покрывающий потолок густым ковром, стал совсем-совсем слабым.

Когда дыхание Айвена стало совсем ровным, Риул вдруг резко поднялся на своей кровати. Осторожно слез, на цыпочках подкрался к спящему юноше и присел рядом с ним. Вытянул вперед руки открытыми ладонями вниз, почти касаясь ими груди вора и начал ими водить из стороны в сторону. Охранные заклятия Боргарда, которые должны были уловить малейшую попытку волшебства, на его действия не реагировали...

Выспался Айвен на новом месте отменно, а вот пробуждение нельзя было назвать приятным. Дверь камеры резко распахнулась, надрывно проскрипев, и в нее вошли две высокие фигуры, закутанные в темные плащи.

Однако, на этот раз воровские рефлексy не подвели юношу, и тот проснулся, едва ключ вошел в замочную скважину. В отличие от «клеток», в которых ему доводилось сидеть раньше, в так называемых «ямах» не было стены-решетки, отделяющей камеру от общего коридора – только глухая стена и железная дверь. Поэтому рассмотреть, остался ли кто-то еще снаружи не удалось. На всякий случай юноша решил притвориться спящим, но, похоже, странным визитерам был нужен совсем не он.

– Вот он. Ну что, добежался? От нас не спрячешься, Риулан тор’Дин! – произнес один из незнакомцев странным рокошущим голосом.

Айвен прислушался: за дверью кто-то негромко переговаривался, и один из голосов явно принадлежал вчерашнему стражнику – тому, что старше по званию. Значит, охрана в курсе происходящего и помощи от них ждать не стоит. А нужно ли вообще вмешиваться? Риула он практически не знает, правду ли тот рассказывал о себе. Разум, интуиция и инстинкты самосохранения дружным хором советовали ему ни во что не вмешиваться и вообще притвориться слепым, глухим, немым и, на всякий случай, безруким. Молчал только внутренний голос, хотя с его стороны юноша совета и не ждал – ведь именно по его указке он оказался в этой кабровой четырехста одиннадцатой!

Сокaмерник тоже проснулся, едва начала открываться дверь, и сейчас он спокойно сидел на койке, по очереди рассматривая врагов. В том, что это были именно его враги, сомневаться не приходилось – в руках их тускло блестели обнаженные клинки.

– Достали таки? – голос Риула был спокойным и... печальным? – Я уже говорил раньше и повторяю снова, что никакой печати у меня нет. Какие вам нужны доказательства? – он рванул на себе тюремную робу, обнажая загорелую грудь.

– Нам не нужны доказательства. Нам нужна печать, – пророкотал незнакомец и шагнул к путешественнику, но тот не стал сидеть на месте и дожидаться.

Айвен от удивления даже забыл дышать. Это была не драка, это был самый настоящий бой! Двое против одного, вооруженные против безоружного в тесной камере – они сражались яростно и движения их были так быстры, что юноша едва успевал понять, кто есть кто, и что вообще происходит. Одно он понял сразу: Риул сражался за свою жизнь, стараясь убить противников, а те же совсем наоборот – пытались взять его живым.

Путешественник не стал уворачиваться или убежать – он встал на кровати в полный рост, и, когда к нему потянулась рука, просто высоко прыгнул, пригибаясь и перелетая через противника. Риул приземлился у кровати Айвена и пригнулся, пропуская над своей головой короткий клинок. Казалось, что еще немного, и летящее по инерции лезвие поразит второго чужака, но тот тоже пригнулся, одновременно в глубоком выпаде пытаясь дотянуться кинжалом до проворной жертвы.

Но участь насаженной на вертел утки почему-то не привлекла Риула. Коротким ударом в предплечье нападающего, он отклонил клинок в сторону и наотмашь ударил той же рукой, целя в голову. Раздался звон, и только сейчас Айвен обратил внимание, что вторгнувшиеся чужаки были одеты в глухие шлемы с узкими обзорными щелями. Снова сверкнул клинок второго убийцы, и путешественнику опять пришлось уклоняться, уходя вниз. И лишь каким-то невероятным образом изогнувшись, ему удалось избежать колена, летящего навстречу – похоже, враг предугадал его маневр.

Клубок тел распался. Две высокие фигуры неподвижно стояли у двери, а изрядно запыхавшийся Риул – напротив них, в нескольких шагах. Убийцы переглянулись и одновременно шагнули вперед, на что путешественник отреагировал совсем уж странным образом: шагнув им навстречу, он поднес руки к лицу, плотно прикрывая ладонями глаза. На внешней стороне его кистей вдруг что-то ярко вспыхнуло, и два бледно-желтых луча ударили вперед, прямо в закутанные в плащ фигуры. Плащеносцы вскинули свои клинки, принимая на них магический удар. Лезвия вдруг потемнели и окутались темной дымкой, поглощая враждебную магию.

– Нет! – отчаянно вскрикнул Риул и снова бросился на врагов.

Айвен сжался в своем углу, стараясь не привлекать внимания сражающихся. Он отчаянно соображал, что ему делать. Кто такой Риул? Что за печать нужна этим двоим, и почему они думают, что она у путешественника? И, самое главное, что будет с ним самим, когда кто-то победит? Впрочем, убийцы были явно в сговоре со стражей, что сильно снижало шансы Риула пережить следующую ночь даже в том случае, если ему удастся одержать верх сейчас. Может, он и был магом, но в катакомбах Боргарда магия бесполезна. Удивительно еще, что он смог создать те лучи! Нет, отсюда ему точно не выбраться, даже если он и способен выкинуть еще пару фокусов, то этого все равно будет недостаточно против сотен тварей и ловушек, тающихся в Лабиринте. Многие как раз и рассчитаны на чародеев...

От мыслей его отвлекла новая перестановка сил. Один из убийц явно был ранен – правая рука его повисла безжизненной плетью, а кинжал теперь он держал в левой руке. Но и у Риула, стоящего возле кровати Айвена спиной к нему, дела шли не лучше – левое бедро его было залито кровью, а в боку торчал метательный нож.

Окончательное решение помог юноше принять взгляд, брошенный им на плащеносцев. Глаза! В узких щелях шлемов вместо глаз горело темно-красное пламя!

«Дарки! Тысяча кабрровых каббров, мрель вам всем в глотку, это же дарки, воины Тьмы!» – подумал он, хватая стоящий неподалеку стул и со всей силы обрушивая его на голову ни о чем не подозревающего Риула.

Тот рухнул, как подкошенный. Один из темных воинов одобрительно кивнул:

– Надо же, какой умный юноша. Умный – и живой. И будет жить еще долго, если и впредь будет таким же сообразительным. Осмотри Риуллана, а я побеседую с этим мальчиком, – приказал он своему напарнику. Тот послушно начал срывать одежду с бесчувственного путешественника и тщательно осматривать его тело, заглянув даже в рот.

– Ну, а мы с тобой побеседуем, – судя по всему, говоривший был главным. Он присел на койку рядом с Айвеном. – Ты ведь не откажешься ответить на пару вопросов, я прав?

– Д-да. Конечно отвечу.

– Вот и славно. Я вижу, ты знаешь, кто я, – дождавшись утвердительного кивка, воин Тьмы вытянул вперед руку. На его раскрытой ладони сидел огромный, в пол пальца, комар, выточенный из хрусталя. – Тогда, быть может, ты знаешь и что это такое?

– Нет, – голос юноши сильно дрожал, и было похоже, что он вот-вот сорвется на визг.

– Он поможет понять, говоришь ли ты правду. Если солжешь, то жало вонзится в твое сердце. Наверное, это будет очень больно, – с этими словами дарк молниеносным движением рванул на Айвене рубаху и прилепил хрустальную фигурку ему на грудь, прямо напротив сердца. Юноша сглотнул внезапно подступивший к горлу ком.

– Итак, вопрос первый: как давно ты знаешь нашего друга Риуллана?

– Меня вчера вечером подсадили к нему. Тогда и познакомился.

– О чем вы беседовали?

– Э-э-э, – Айвен покосился на хрустального комара, готового вонзить жало ему в сердце. – Ну, я ему сказал: «Привет, меня зовут Айвен». А он такой говорит: «Привет. Ты что, жрец что ли?». Ну а я ему отвечаю...

– Хватит! Избавь меня от лишних подробностей! – воин Тьмы повысил голос, но говорил по-прежнему совершенно бесстрастно, – Отвечай на вопрос: что тебе рассказал Риуаллан тор'Дин?

– Сказал, что он путешественник. Изучает древние развалины и легенды. И что сюда его упекли за драку с применением магии, на девять месяцев. Больше ничего, а потом объявили отбой и мы легли спать. А утром сразу вы пришли нас зачем-то будить...

– Второй вопрос. Он тебе передавал что-нибудь? Предмет, записку или на словах?

– Нет. Ничего такого. Да и стража отбирает все перед тем, как пленника в яму бросить...

– В какую еще яму?

– Это следующий вопрос, да? Так мы зовем камеры, где нет окон и решеток. На воровском жаргоне, между своими.

– Ты видел, как он что-нибудь прятал здесь?

– Нет. Ничего такого я не заметил. Хотя, признаться честно, поначалу и не особо-то смотрел за ним. Ну а потом уже и свет притушили.

– И последний вопрос: есть что-нибудь такое, что мне нужно бы знать, но ты это от меня скрываешь?

– Э-э-э... Ну...

– Не забывай про наш с тобой маленький хрустальный секрет, – напомнил ему дарк.

– Я стащил один из ваших ножей! – отчаянно выкрикнул юноша, разжимая кулак. Небольшой метательный нож выпал из ладони и с тихим звоном ударился о каменный пол.

– Ты что, никогда не слышал про селерит? Ты же мог умереть в жутких муках, едва лишь порезавшись! – удивился плащеносец.

– Конечно, я слышал про этот удивительный металл. Потому нож и стащил – он, наверное, больших денег стоит, – уже не сдерживая слез, пролепетал вор. – Я это... Я осторожно очень его держал. Вы меня теперь убьете?

– Сегодня нет, – успокоил его дарк. – Эй, Гесс, что там у тебя? – повернулся он к своему напарнику.

– Он чист. Печати нет.

– Проверь его вещи, а я осмотрю этого щенка. Раздевайся, – снова уставившись на Айвена, командовал воин Тьмы.

– Но, но вы же обещали!

– Будешь выполнять приказы – останешься жить.

С трудом сдерживая рвущиеся из груди всхлипы, юноша начал раздеваться. Мельком взглянул он на второго дарка – тот уже закончил осматривать вещи Риула и теперь скрупулезно изучал стены и пол, пытаясь отыскать тайник. Особенно осторожно Айвен снимал робу, стараясь не потревожить присосавшегося к груди хрустального комара. Дарк брал у него одежду, и тщательно ее осматривал.

– Повернись кругом. Встань боком. Подними руки. Правую ногу согни в колене, подними. Теперь подними левую, – командовал воин Тьмы.

– Я так упаду. Можно мне сначала правую ногу опустить? – дословно выполнявший приказы юноша теперь стоял в позе «атакующего спяну и совсем не боевого журавля».

– Идиот. Опустит, конечно. Все, можешь одеваться. Гесс, ты закончил?

– Совсем все? – недоверчиво переспросил вор, который уже основательно закоченел.

– Да. И еще – вздумаешь кому-нибудь сболтнуть лишнего, мы тебя где угодно достанем. Понял?

– П-понял, как не понять, – с трудом ответил юноша, у которого зуб на зуб перестал попадать, – Я вас не видел, вы меня не видели. Если спросят про мальчика, то не было никакого мальчика.

– Молодец. Сиди, отдыхай, – одобрил его рвение дарк и кликнул своего приятеля, – Все. Здесь делать больше нечего. Бери нашего друга и уходим. Побеседуем с ним в более удобной обстановке.

Гесс молча кивнул и совершенно без усилий взвалил на плечо бесчувственного Риула. Айвен робко потянул командира дарков за рукав:

– Господин, господин!

– Ты еще что-то вспомнил?

– Нет, это вы забыли. Ваше украшение, – кивнул воришка на комара, все еще сидящего у него на груди.

– Ах, это. Могу оставить тебе на память, если хочешь.

– П-пожалуй не нужно. Я вас и так теперь не забуду.

– Ну, как знаешь, – воин Тьмы щелкнул пальцами, и прозрачная фигурка насекомого вдруг рассыпалась серебристой пылью, которая быстро растаяла, даже не успев опуститься на пол. Дарк развернулся и вышел из камеры.

– Надеюсь, вы отыщите, что вам нужно, господин! – успел крикнуть в закрывающуюся дверь юноша.

Какое-то время он сидел неподвижно, прислушиваясь к затихающим вдали шагам. Наконец, когда даже эхо стихло, Айвен с удовольствием потянулся, разминая суставы:

– Даже выспаться не дали, уроды кабрровы, – ругнулся он, – Разденься, повернись, почеши мне ушко... Ишь ты, раскомандовался! Командовать в своем Даркилоне будешь, чудовище. А вот путешественника жалко. Хороший, должно быть, парень был, раз самим хозяевам Даркилона дорогу перешел. Надо же, даже в Боргард своих псов прислать не побоялись, отродья Тьмы. Ну-ка, что там у нас...

С этими словами юноша встал и рывком сдернул с кровати тонкое одеяло, на котором только что сидел. Под ним, прямо на дырявом матрасе, лежал еще один метательный нож из странного металла темно-серого цвета.

– А вообще, спасибо, что зашли, – подытожил Айвен и, спрятав нож под матрас, улегся в койку – досматривать сон. Тщательно укутавшись в одеяло, он снова широко зевнул и вскоре

заснул сном младенца. Между прочим, очень полезное для человека его профессии умение – быстро засыпать и просыпаться в любой ситуации.

Обхватив подушку руками, он и не заметил, как на его запястье сверкнул сложный рисунок нежного розового цвета, словно вытатуированный искусным мастером. А когда юноша спросонья вытащил руку из-под подушки, то никакой татуировки там уже не было.

Глава 5. Язык до свободы доведет

«Слово – это главное оружие в борьбе с любой системой!»

Герим Охолост по прозвищу Вьюн, взломщик-заклинатель

Проснулся Айвен ближе к обеду. Спал бы и дольше, да вот только лишившийся и завтрака и ужина живот протестующе бурчал, наполняя мерным рокотом камеру. Зевнув, юноша резко принял сидячее положение и сразу же соскочил с кровати, чтобы не дать своей лени ни единого шанса. Иначе сомнет, скрутит и заставит ничего не делать до самого вечера.

Быстро соорудив из второго одеяла некое подобие плаща и укутавшись в него – находясь в Боргарде нужно использовать любые доступные способы сохранить тепло – он осмотрелся. Вчера ему не удалось оценить размеров своего временного обиталища. Камера оказалась невелика, но в ней вполне хватило места для двух отдельных коек, почему-то всего одного трехногого табурета и опять же одной тумбы, которая и вовсе выглядела насмешкой, потому что никакого имущества заключенным иметь не полагалось. Впрочем, судя по многочисленным царапинам и пятнам, тумбу давно и успешно использовали в качестве обеденного стола. Табурет же, судя по его виду, чаще использовался в качестве метательного снаряда и дубинки, чем по назначению. Впрочем, его эффективность при таком применении пару часов назад оценил и сам Айвен.

Одежду Риула, а точнее то, что от нее осталось, дарки забрали с собой. Зато они оставили подушку и одеяло, которые юноша тут же переложил на свою кровать: пригодятся. Осматривать тумбу не было смысла, поэтому Айвен сперва решил изучить койку, а потом заняться поиском тайников.

Одеяло, подушка, матрас. Сначала осмотр внешний, тщательный, со всех сторон – в тени и на свету, ловя взглядом малейший отблеск, подозрительную выпуклость или уплотнение в материале. Ничего...

Оставались тайники. Простучав стены и осторожно заглянув под ковер тускло светящегося мха, густо покрывавший потолок, юноша лишь развел руками: пусто, если не считать заточенной ложки, куска сухаря и мотка бечевки. Вспомнив, что он не ужинал, да и с завтраком как-то не сложилось, он безуспешно попытался погрызть окаменевший сухарь. Отшвырнув его в сторону, отщипнул немного серебристых нитей мха, которые служили единственным источником освещения камеры. С любопытством положил их в рот и пожевал. Тьфу! Горький... Хотя, если совсем уж прижмет, то есть можно.

Старый приятель Айвена, взломщик по прозвищу Вьюн, как-то хвастался, что целую неделю продержался в Боргарде без еды, на одном только этом мхе и паре крыс. Глядя на упитанного Вьюна, верилось в это с трудом – такое брюхо на горькой травке и пары дней не выдержит. Собственно, для человека постороннего тот и на вора-домушника ничуть не был не похож – неповоротливый, тяжелый и постоянно страдающий одышкой взломщик попался бы на первой же вылазке. И то, если бы сразу не застрял в окне или дымоходе. Такому ни от собак не уйти, ни с ловушками не разобраться. Но те, кто видели его в деле, только посмеивались – Вьюн был чародеем. Он лучше всего управлялся с растениями, за что и получил свое прозвище. Такому лианы сами просятся под руку, шипы роз осыпаются от одного прикосновения, а горький мох, наверняка, становится сладким, словно восточная халва, и питательным, как хорошо прожаренная отбивная.

Усилив воли, Айвен отогнал от себя мысли о восточных сладостях, которые очень уж любил. Еще раз осмотрел места, в которых обычно устраивались тайники, и снова безуспешно. Ощувив некое смутное беспокойство, юноша быстро привел все в порядок и успел как раз вовремя. Едва он уселся на своей кровати, как окошко в двери у самого пола открылось. На

краткий миг свет заслонила чья-то рука и поставила на пол поднос с едой. Окошко снова закрылось, но ни звука из-за двери так и не донеслось, словно это был призрак. Еду в Боргарде приносили всегда в разное время – были просто утренний прием пищи, дневной и вечерний. Охранная магия на время кормежки глушила все звуки, поэтому ни по каким признакам нельзя было точно предугадать, когда именно откроется окошко и появится еда.

– Ну-ка, посмотрим, чем на четвертом уровне преступников морят, – хмыкнул юноша, забирая поднос.

На нем стояла глубокая миска с ячменной похлебкой, тарелка с неравномерно размазанной по ней тонким слоем ячменной каши, небольшой кусок ячменного хлеба и глиняная чашка с водой.

– Хвала Мристому Иггру, что не с ячменным компотом! А то я уж было подумал... – настроение у вора резко упало, – С одной стороны, выбор блюд конечно больше, чем на нижних уровнях. А с другой стороны, выбора тут совсем нет – один ячмень. Надеюсь, что сегодня какой-нибудь специальный ячменный день, а это – не обычное меню.

Вздыхнув, юноша взял деревянную ложку. Осмотрел поднос в поисках ножа, но ничего похожего на него не обнаружил. Впрочем, оно и не удивительно – в тюрьме ни вилок ни ножей заключенным не давали, во избежание всякого... Хмыкнув, Айвен сунул руку под матрас и вытащил украденный метательный нож. Хотел было проверить остроту кромки, но вовремя опомнился – малейшая царапина привела бы к мучительной смерти! Да что там царапина, лизать его тоже было бы несколько... опрометчиво. Все оружие воинов Тьмы, дарков, было изготовлено из селерита – сероватого и прочного как сталь металла, который помимо того, что прекрасно поглощал магию, был еще и сам по себе смертельно ядовит. Да уж, нарезать хлебушек таким вот ножичком – мысль глупее ему в голову придти не могла!

Кривясь и морщась, Айвен быстро проглотил уже остывшую еду, так и не почувствовав вкуса. Он уже и позабыл, как кормят в тюрьмах, и обновлять свои воспоминания очень уж не хотелось. Вся надежда была на Хорта и нанятого им языкаря. Поскорей бы уже, а не то через полгода на такой диете он действительно на мох перейдет...

Вскоре после того, как юноша расправился со своим обедом, за дверью послышались шаги. Судя по звуку, в сторону камеры шло не меньше трех человек. «Проклятье! Только бы не кабрровы дарки!» – молнией мелькнула мысль у него в голове юноши, – «Ножичек было бы неплохо припрятать...»

Недолго думая, он просто швырнул его под койку Риула, в самый темный угол: мол, во время драки обронили, а потом никто и не заметил. Шаги стихли возле двери его камеры, и кто-то завозился с замком. Зазвенели ключи, упав на пол, и Айвен вздрогнул.

– Эй, в четыреста одиннадцатой, к тебе гости! – заорал вдруг за дверью стражник.

Дверь с уже привычным скрежетом открылась, и в камеру не вошел, а словно просочился щуплый низенький человечек с огромным носом и бегающими крысиными глазками. Следом вошел один из стражников, и еще по меньшей мере один остался караулить за дверью.

– Тебя Хорт прислал? – спросил Айвен не дожидаясь, пока крысолицый заговорит.

– Меня зовут Питер Поцук, и я буду защищать ваши интересы на протестном заседании, – голос этого странного человечка оказался на удивление сочным и приятным, и скорее подошел бы артисту певчего театра. Он, казалось, проникал в любую щель и обволакивал каждый предмет, наполняя все свободное пространство.

– Ты знаешь, за что меня уpekли в холодную?

– Разумеется! Перво-наперво я со всем тщанием и дотошностью изучил ваше дело и показания свидетелей.

– И что скажешь?

– Завтра вечером, крайний срок послезавтра, вы будете уже на воле, наслаждаться э-э-э, – Поцук бросил взгляд на тарелки, – домашней ячменной кашей.

– Так быстро? Не слишком ли ты самоуверен?

– Я дважды вытаскивал отсюда самого господина Многорукого! Но дело даже не в моих возможностях, просто ваш приговор и впрямь слишком строг. Хватило бы и штрафа в полсотни серебра.

– Увы, было там одно обстоятельство... – сердце юноши вдруг защемило.

– Согласен, – вздохнул языкарь, – обокрасть госпожу Урс было не самой лучшей идеей. Но я уверен, что это обстоятельство мне удастся использовать в нашу пользу. То есть в вашу пользу. Уж поверьте, господин Айвен, я на таких делах не одну кошку съел!

«Собаку!» – хотел было поправить его юноша, но, взглянув в бегающие крысиные глазки, почему-то передумал. Кошку так кошку, этом типу лучше знать, чего он там ест.

– Вот и отлично! – уверенность языкаря была заразительной, и настроение у вора начало улучшаться. – Так значит, до завтра? Признаюсь, вы сняли с моего сердца камень размером с замок Монтмари!

– Боюсь, что по камням сердечным, равно как и почечным, я совсем не мастер, – развел руками Поцук, – для начала я вас вытащу отсюда, а там уж сами разбирайтесь со своими амурными делами. А уж если разбирательства эти снова приведут вас к делам судебным, то языкарь Питер Поцук всегда к вашим услугам, господин!

Он раскланялся, и Айвен, поддавшись магии этого чарующего голоса и всепоглощающей уверенности, тоже поклонился в ответ, но тут же спохватился.

«Ай а шельма, ай да талант!» – восхитился юноша, – «Впрочем, это и есть его работа – языком чесать, да голову судьям дурить. И свой хлеб с маслом, похоже, он ест не зря...»

Тем временем Поцук и охранник покинули камеру, оставив заключенного одного и в приподнятом настроении. Словно чаши Весов Вселенского Равновесия качнулся вдруг внутри его желудка недавно проглоченный ком, вызывая сильные рвотные позывы. Все его воодушевление и оптимизм словно ветром сдуло.

Весь вечер Айвен потратил на поиски тайников, которые мог пропустить во время прошлого осмотра, но с тем же результатом. А на ужин снова был ячмень. Все та же каша, в которой лежал крохотный кусочек мяса непонятного происхождения, настолько пропитавшийся ячменным соком, что почти не отличался по вкусу от каши. Кусок ячменного же хлеба и обычный тюремный чай, который должен был успокаивать и укреплять сон заключенных. Кое-как умяв это вкусовое извращение, юноша совсем сник. Вера в скорое избавление куда-то улетучилась вместе с остатками настроения. Лежа в кровати, он смотрел на заросли мха и думал, что на такой диете он и впрямь скоро начнет потолок обдирать, не приведи Мристый Иггр. К несчастью, вскоре его сморил сон, и ячменная каша показалась сущей безделицей в сравнении с поджидавшими Айвена видениями...

Ночь выдалась на редкость беспокойной. Мучаемый кошмарами юноша совсем издергался, хотя раньше ничего подобного с ним не случалось. Снова и снова просыпался он с криком, и снова проваливался в один и тот же кошмар: за огромным дубовым столом он сидел напротив Риула, а по сторонам стояли два воина Тьмы. Путешественник выглядел неважно, словно давно уже помер: бледное снинюшное лицо, черные провалы глаз и рот, больше похожий на рваную и плохо зажившую рану. Он пристально смотрел на Айвена и с его губ срывались всего два слова:

– Отыщи Первопечатника!

Причем, слова эти срывались и падали в самом прямом смысле, превращаясь в написанные на кусочке ткани буквы. Клочок падал в стоящую на столе тарелку, а юноша стремительно хватал его и пихал в рот, чтобы дарк не успел прочесть послание. Он жевал, жевал и жевал плохо поддающуюся ткань, запивая ее овсяным вином из бездонного кувшина, стоящего на

столе, и заедая овсяной кашей. Но едва ему удавалось, наконец, справиться с кабрровой запиской, как Риул снова говорил:

– Отыщи Первопечатника!

И новый клочок ткани падал на блюдо, и вор снова хватал его и съедал. И с каждым разом Риул выплевывал слова все быстрее, а клочки ткани увеличивались в размере, и стали уже с ладонь, когда, наконец один из дарков сжалился над Айвеном:

– Эй, великий шаман Сущего в Бездну, тебе пора на протестное заседание...

– Ч-чего? – не понял юноша.

– Я говорю, хорош дрыхнуть, просыпайся...

И тут юноша действительно проснулся. В двери стоял стражник с кандалами в руках и снисходительно улыбался:

– Все вы, жрецы, одинаковы. Только и горазды, что бока мять на перинах, да жрать. Может, потому вас и называют «жрецами», а? Правда, ты что-то недостаточно упитанный, для служителя культа.

– Просто я дни и ночи провожу в молитвах да раздумьях: все прошу великодушного Иггра, чтобы он дал каждому стражнику по капельке мозгов... Чтоб ваши крохотные головы разорвало! – огрызнулся Айвен.

– Ну и остер ты на язык, вольный ветер. Посмотрим, как ты будешь языком чесать в зале Откровения. Кстати, у тебя есть еще немного времени, чтобы перекусить. Приказать принести тебе завтрак, или сразу пойдешь?

При одной только мысли о еде у Айвена свело и живот и челюсти.

– Ну уж нет. Меня уже тошнит от вашего ячменя, на всю жизнь вперед наелся! Давай сюда свои браслеты и веди, куда положено.

– Странно, – почесал затылок стражник, – ты ж всего один день как на испытании ячменем сидишь, да и то, мы всего две смены блюд подали. Когда ты его наестся успел?

– Мне хватило, – отрезал юноша, протягивая запястья для кандалов. Воспоминания о ночном кошмаре были еще свежи, и во рту стоял привкус ячменя и мокрых тряпок.

...Войдя в зал Откровений, где проходили все судебные заседания и слушания, Айвен огляделся. Среди судей, клеветников и охраны знакомых лиц не было, а вот среди свидетелей... Юноша помахал рукой и послал воздушный поцелуй прекрасной госпоже Урс. Показал язык двум увальням из рыночной стражи, тем самым, которые его повязали. Вздрогнул и едва не упал на ровном месте, завидев дальнем угла зала необъятных размеров тушу – даже две знакомые ему туши – торговки со своим братцем! И даже ободряющее подмигивание господина Питера Поцук не помогло ему избавиться от страха. Сейчас языкарь казался ему самым обычным маленьким человечком с крысиными глазками и повадками карманника – двигался вдоль стенок, постоянно обтирал ладони о свой наряд и кончиком языка облизывал пересохшие губы. От вчерашней уверенности защитника, предоставленного воровской Гильдией, не осталось и следа – создавалось даже впечатление, что он не совсем уверен, стоит ли вообще защищать пойманного воришку.

А когда Поцук заговорил, Айвен и вовсе пал духом – голос защитника дрожал и то и дело срывался на пронзительный визг. И куда только подевался тот сочный баритон и вкрадчивая манера говорить, донося до слушателя малейшие интонации? Юноша даже глаза протер – тот ли перед ним человек вообще?

– Итак, господа судьи, господа клеветники, господа свидетели и вы, о прекрасная госпожа пострадавшая. Меня зовут, с вашего позволения, Питер Поцук, и я представляю интересы вот этого, так сказать, молодого человека. Мои верительные грамоты и прочие документы лежат перед господами судьями, и ежели у кого-то возникнут какие-то сомнения, то...

– Не беспокойтесь, господин Поцук, мы не первый раз сталкиваемся с вами в этом зале, – прервал его речь один из судей, на мантии которого красовался золотой грифон – знак главного судьи, – Давайте начнем заседание, пока не сошла утренняя прохлада.

– Благодарю вас, господин Орис, – поклонился языкарь, – Тогда, с вашего позволения, я прошу клеветников сказать свое слово и выдвинуть обвинение.

Один из трех клеветников, как называли законников-обвинителей, вышел вперед и откашлялся:

– Перед нами сидит молодой преступник, Айвен Меллис, двадцати четырех лет отроду, который обвиняется в краже имущества с отягощающими обстоятельствами. Потерпевшая, госпожа Фелина Урс, находится здесь вместе с двумя свидетелями...

– Достаточно. Мы все здесь знаем детали этого дела, так что давайте приступим непосредственно к обвинению, – снова подал голос главный судья.

– Слушаюсь, ваша честь. Итак, я обвиняю Айвена в краже и в преступных мыслях в отношении самой госпожи потерпевшей.

– Э, простите, у вас есть заключение практикующего чародея-ментала или лицензированного храмового служителя с телепатическим даром? – подал голос Поцук.

– Нет, такого заключения у меня нет, – мотнул головой клеветник.

– Замечание принято. Обвинение в преступных мыслях снимается, – один из судей положил на чашу стоящих перед ним весов крупный черный камень. Камень поменьше он отложил в сторону.

– Прошу учесть тот факт, господа судьи, что обвиняемый неоднократно попадал в Боргард по схожим обвинениям, он является злостным преступником и карманным вором по своей профессии!

– Возражаю, ваша честь! Согласно данным судейского Информатория, обвиняемый не является членом воровской Гильдии, равно как и лицензированным карманником.

– Возражения приняты. Обвиняемый имел судимости, но согласно официальной информации, вором не является.

На чашу весов рядом с уже лежащим на ней черным камнем лег еще один, примерно такой же величины, а на пустую – маленький белый камень.

– Итак, господа судьи, господа клеветники, мой клиент – молодой, прошу особо это отметить – человек, который в жаркий день шел по своим делам по рынку... – взял слово языкарь, заложив руки за спину и расхаживая вдоль судейского стола. Голос его выровнялся и начал набирать силу.

– По своим воровским делам, конечно, – криво усмехнулся один из клеветников.

– Протестую, ваша честь! – вскинулся Поцук.

– Протест принят. Обвиняемый не является вором, это мы уже выяснили.

– Так вот значит шел он, мучаемый нестерпимой жаждой, и тут взгляд его упал на... – театральным жестом вытянул руки в сторону красотки Фелины языкарь.

Девушка гордо выпрямилась, отчего высокая грудь ее еще сильнее натянула тонкую ткань и без того довольно таки обтягивающего платья. Взгляды всех без исключения присутствующих мужчин устремились к двум соблазнительным холмам, мерно вздымающимся в такт ее дыхания.

– На несколько сочных, спелых и ароматных яблок, которые так манят взор, и наверняка замечательно утоляют жажду, – продолжал Поцук.

– Эх, хороши яблочки... – мечтательно вздохнул один из стражей.

– Кстати, насколько я понимаю, среди свидетелей есть и те, кто задерживал обвиняемого? Господа, попрошу вас вспомнить – были ли у моего подзащитного при себе деньги, чтобы расплатиться за пару яблок?

– А то как же! Сорок три серебра и десять медяков, – отозвался стражник, который обыскивал Айвена при аресте.

– Вот! Прошу отметить тот факт, что у обвиняемого было вполне достаточно средств, чтобы купить эти дивные, – снова повел рукою в стороны госпожи Урс языкарь, – и манящие плоды. Что он и решил сделать, ведь так, господин обвиняемый?

Юноша утвердительно кивнул, не совсем понимая, что от него хотят. Как и в тот несчастный день, он глаз не сводил с прекрасной Фелины, упиваясь ее красотой, и мыслями своими был далеко-далеко от зала Откровений.

– Как и любой честный житель или гость нашего славного города! Разумеется, сначала он должен был выбрать яблоко повкуснее. И я ума не приложу, почему безмерно мною уважаемая не только за свою красоту, но и за свой гибкий ум госпожа Урс приняла этот невинный жест за попытку ее обокрасть. – вот теперь-то Питер Поцук пустил в ход очарование своего голоса, снова ставшего бархатистым и обволакивающим! И судьи, и клеветники, и даже сама потерпевшая согласно кивали в такт его словам, а к белому камню на чашу весов лег еще один. Впрочем, как оказалось, чтобы околдовать красавицу, нужно было что-нибудь посильнее, чем вкрадчивый голос языкаря.

– Тогда зачем он стащил мое кольцо? – выкрикнула вдруг она, ткнув пальцем в сторону юноши. Лицо того болезненно скривилось, словно этот палец пронзил ему сердце.

– Да! Зачем он украл кольцо? – почувствовав слабость противника, снова вскинулся главный клеветник.

– Идиот, ты зачем кольцо стащил? – тихо прошептал-прошипел юноше Поцук, подходя к нему вплотную.

– Я нечаянно, это все рефлексы, наверное... Как-то само получилось, – с трудом вернулся в реальность Айвен.

– А вы посмотрите на него, посмотрите на обвиняемого, господа судьи! – уже громко произнес языкарь, – Куда устремлен его помутневший взор?

– Э-э-э... На яблоки? – предположил кто-то из судей.

– На прекрасную госпожу Урс! Забудьте о том, что она дочь всеми нами любимого господина Рабена, забудьте о том, что она племянница всем нам известной госпожи Ульрины Урс... – Айвену показалось, или при упоминании тетушки потерпевшей испуганно вздрогнул даже сам судья Оррис? – В первую очередь перед нами невероятно обворожительная девушка, чей взгляд подобен свету звезд!

– Звезды, они ведь крохотные? – вслух размышлял Айвен, – А у нее вон какие глазищи!

– Вы, господа судьи, разве вы не видите, что наш молодой – очень молодой – человек просто-напросто влюбился, влюбился по уши, как это часто бывает в его годы? Вспомните себя в юности, господа клеветники, и представьте, что вам небеса даровали счастье повстречать на своем пути такую прекрасную девушку? Разве вы устояли бы? Вы называете моего обвиняемого вором, но взгляните на него, ведь на самом деле он самая настоящая жертва! Он украл кольцо, но его потеря неизмеримо больше, ведь у него похитили само сердце!

Айвен с недоумением уставился на свою грудь и задумчиво почесал затылок. Приложив руку к сердцу, он убедился, что оно по-прежнему на месте, и успокоился.

– Будем ли мы губить столь юную душу, бросая ее в безжалостное горнило тюремных печей из-за какого-то кольца?

– Э-э-э... Вообще-то, в Боргарде несколько... прохладно, – заметил клеветник.

– Взгляните в эти честные и полные раскаяния глаза, господа судьи – разве вправе мы обвинять подсудимого в том, в чем любой из нас однажды, а то и не раз, был виновен? В том, что он влюбился без памяти? И разве можем мы его судить за это, и сажать в тюрьму, вместе с кровавыми убийцами и неумолимыми проповедниками?

С тихим стуком на чашу весов упал еще один белый камень.

– Между прочим, оно было с сапфиром! Подарок папеньки... – робко прошептала девушка, но ее услышал один из клеветников и вскочил с места:

– Вы слышали? – радостно завопил он, – Украл подарок любимого папеньки. Который, как мы все прекрасно помним, начальник городской стражи!

– Не украл, а решил взять на память с дозволения самой госпожи! – выкрикнул Поцук, и в его голосе утонул стук черного камня, брошенного судьей на «чашу грехов».

– Как это, с дозволения? – удивленно повернулись в сторону языкаря судьи.

– Как это, с разрешения? – одновременно в ту же сторону повернулись клеветники.

– Как это, с дозволения госпожи? – не остался в стороне и сам Айвен.

– А вот так! Ты где стоял, когда крал... то есть брал яблоко и кольцо? – ткнул юноше пальцем в грудь господин Поцук.

– Э-э-э. Прямо перед ней и стоял, у лотка с фруктами

– Вот видите! Он не прятался, не подкрался со спины и не скрывался в тених! Разве так ведут себя настоящие воры?

– Прошу заметить, господа судьи, что обвиняемый не является настоящим вором, – ловко вернул краснолицый клеветник, до этого момента хранивший молчание.

– Замечание принято, – кивнул главный судья. На чашу весов упал крохотный черный камень.

– И куда же смотрел наш обвиняемый? Эй, ты куда смотрел? – снова ткнул Айвена пальцем языкарь.

– В глаза конечно! В ее прекрасные зеленые глаза.

– И что у нас получается? Вор стоит во весь рост перед жертвой, смотрит ей в глаза и ворует у нее кольцо?

– Между прочим, опытные воры так и поступают, – заметил один из стражников.

– Возражаю! Обвиняемый не вор, да и вы, господин, тоже не обладаете должной воровской квалификацией, чтобы быть уверенным в описанном вами методе воровства. Или все-таки обладаете, а? – обрушился на стражника Поцук.

Тот смутился и отрицательно покачал головой.

– Вот видите! Обвиняемый просто не успел попросить у прекрасной госпожи Урс это кольцо на память. А быть может он и вовсе потерял дар речи. Знаете, у влюбленных такое иногда случается от близости объекта воздыхания.

– Я не объект! – обиженно надула губки красавица, – И ничего он не терял. Он разговаривал.

– И что же именно он говорил, – вмешался вкрадчивый голос клеветника.

– Он... Он сказал, что не грабит меня... – тихо произнесла девушка.

– Ага! – торжествующе выпрямился Поцук.

– ...а обворовывает, – совсем уж шепотом закончила она и... разрыдалась!

– Все! Вот оно! Вор сознался в содеянном, а несчастная жертва рыдает, понеся невосполнимую утрату. Ваша честь, прошу считать дело закрытым и предлагаю ужесточить наказание для виновного, – клеветник стащил со своей головы парик и начал им обмахиваться. В зале действительно стало жарковато.

– Но... но ей же вернули кольцо, какая еще невосполнимая утрата? – недоуменно уставился на обвинителя языкарь.

– Она утратила веру в человеческую доброту, что же еще? – ловко выкрутился тот.

– Да заткнитесь вы все, она же плачет! – закричал вдруг Айвен, – Дайте девушке кто-нибудь платок и принесите настойки успокойника. И разойдитесь, ей нужно больше свежего воздуха.

– Вы только посмотрите, какая забота, – притворно умилился Поцук, – его не волнует суровый приговор, он больше обеспокоен самочувствием своей любимой! – языкарь откро-

венно любовался юношей, который хлопотал вокруг рыдающей Фелины, отдавая приказы и отгоняя от нее назойливых стражников. Те возмущались, но уступали его напору, опасаясь применять силу в зале Откровения.

Наконец, девушка успокоилась.

– Господин судья, – вдруг сказала она, – Могу я сказать?

– Разумеется! Вы вспомнили что-то еще?

– Да, ваша честь. Я вспомнила, как обвиняемый прошептал, что я похитила его сердце. И я не думаю, что он хотел красть кольцо, – девушка виновато улыбнулась Айвену.

– Мы примем ваши слова к сведению, – кивнул главный судья, и на чашу весов лег еще один белый камень.

– Ваша честь! – подала вдруг голос вторая из присутствовавших в зале дам – та самая толстая торговка, у которой был еще и не менее крупный братец. Который, кстати, тоже находился здесь.

– Да, госпожа Милана?

– Он врёт! И она, эта девка, тоже врёт! Не мог он ей в любви признаваться.

– Это почему еще? – удивился судья. Клеветники и языкарь молча поддержали вопрос.

– Потому что он влюблен в меня! – томно выдохнула толстушка и прижала руки к своей необъятной груди, ласково улыбаясь Айвену.

Вор чуть не проглотил собственный язык от такого поворота событий:

– Да я ее вижу второй раз в жизни!

– Ты мне сам говорил! У меня и свидетель есть, брат мой! Марек, скажи!

– Возражаю, ваша честь, в данном случае родственник выступает как лицо заинтересованное.

– Возражение принято, – на удивление быстро согласился судья Орис.

– Я просто яблоко хотел у нее купить. Только она продает свое гнилье по семь медяков за штуку! Мне пришлось четыре медных монеты выложить только за то, что я подержал яблоко в руке, – вспыхнул юноша. И больше всего ему хотелось обелить себя в глазах прекрасной Фелины, взирающей на происходящее со странной смесью ужаса и недоумения.

– Милый, но как же все эти твои слова про мои нежные руки, про мою утонченность и про любовный жар?

– Вы слышите? Да у нее просто жар и она бредит! Воды, принесите кто-нибудь холодной воды, и выведите ее из зала! – перебил торговку языкарь. Сразу трое помчались выполнять его приказ. Кажется, симпатии всех присутствующих теперь были на стороне несчастного вора.

– А еще она замужем! Вон и кольцо на пальце, – внес свою лепту Айвен.

– Ваша честь! Нужно еще разобраться, настоящая ли у нее торговая лицензия, и что это за странные яблочки такие, по семь медяков за штуку! Да на такие деньги можно купить настоящее золотое эрийское яблоко! – подлил масла в огонь Поцук.

– Два эрийских, – поддержал его юноша.

– Возражения принимаются. Госпожа Фелина Урс, вы хотите что-то еще добавить к своим словам? – судья Орис вытащил платок и обтер вспотевшее лицо.

– Да, – вышла вперед девушка, – Я отказываюсь от своих обвинений. Этот молодой человек не желал мне зла, просто я его неверно поняла. Не надо его в тюрьму. Пожалуйста... – Фелина подняла голову и посмотрела прямо в глаза главному судье. Казалось, что еще немного, и она снова разрыдается.

– Я правильно вас расслышал? Вы снимаете свои обвинения, госпожа Урс?

– Да! – уже твердым голосом громко заявила девушка, – Я снимаю свои обвинения.

– Я же говорил, что она умница, – облегченно выдохнул языкарь и ободряюще улыбнулся девушке.

– На этом слушание объявляю закрытым, как и дело о краже драгоценностей. Господин Айвен Меллис, вы чисты перед законом нашего королевства и свободны. Можете забрать свои вещи из камеры и покинуть Боргард, – устало объявил судья и с облегчением положил на «чашу добродетелей» огромный белый камень...

Зал Откровений быстро опустел. Последним из него вышел главный судья, легким движением руки погасив факелы и не заметив, как одна из теней отделилась от стены и быстро проскользнула под дверь...

Глава 6. Неприятности начинаются

*«Отыщи зеркало побольше, в свой полный рост.
Ровно в полночь зажги семь свечей из красного
воска и жди, смотри в оба! Посмотри на свое
отражение, внимательно взглядишь в эти черты.
Вот он, твой самый тайный, и самый главный враг!»*

Описание старинного поискового ритуала, указывающего на врага.

Пес брел по темному переулку, сжимая в зубах с трудом раздобытый кусок мяса. Мясо было несвежим и основательно пахивало. Впрочем, память услужливо подсказала ему парутройку просто божественных ароматов изысканнейших блюд, которые дворцовый повар готовил именно из такого вот протухшего мяса. Защищаясь ароматом воспоминаний от вони трущоб и своего завтрака, пес искал местечко поукромнее.

Поиски привели его к стенам не то что богами, но даже и бесами-святотатцами забытого монастыря, отстроенного то ли в честь Угрюмого Странника, то ли в честь Странного Угрюмца. В общем, когда-то в нем служили молебны некой высшей сущности, которая не отличалась веселостью нрава и вниманием к своим почитателем. И то и другое явно не лучшим образом сказалось на монастыре. Он пришел в состояние полнейшего запустения, и стены его держались лишь благодаря молитвам и обильной растительности.

Увы, укромное место уже было занято – в спасительной тени переговаривались несколько человек. Пахли они настороженностью и опасностью, поэтому животное решило не показываться людям на глаза и выждать, притаившись за густым кустарником – вдруг люди здесь задержались ненадолго, и скоро уйдут?

Тем временем незнакомцы, похоже, пришли к какому-то решению. Двое встали в центре небольшой полянки друг напротив друга и выжидающе замерли, не сводя взгляда друг с друга. То, что это они не союзники, а враги, животное поняло сразу. Уж чего-чего, а дуэлей за свои годы службы при дворе бывший королевский стравник перевидал достаточно. К дуэлянтам подошли секунданты, и протянули дуэльные рапиры, аккуратно уложенные на бархатные подушечки. Пес тяжело вздохнул. Дуэли на шпагах длились намного дольше, чем на пистолях, поэтому ждал он напрасно – покинут поляну люди ой как не скоро.

Вдруг порыв ветра донес до чувствительного носа собаки подозрительно знакомый, едва уловимый запах. Пес чихнул и сердито заурчал – он вспомнил, что это был за запах! Так пахла медленная смерть, и не единожды вынюхивал он ее сладковатый аромат в блюдах, предназначенных для короля!

Он с сожалением выронил мясо на землю, и со звонким лаем выскочил из кустов...

– Мартис, откуда взялось это мерзкое животное? – испуганно взвизгнул виконт Марсильяк, отступая за спину своего секунданта. Известный задира и заправский дуэлянт, испытывал панический страх перед собаками еще с малых лет, и до сих пор так и не смог его перебороть.

– Эй, лэр Марсильяк, только не говорите, что вы испугались измученного и ослабевшего от голода пса? Да посмотрите вы на него! Я отсюда вижу, как у него бьется сердце... – насмешливо бросил его противник, молодой человек в военной форме.

– Лейт Беример, вы забываетесь! И если вы сейчас же не заберете свои слова назад, то я буду вынужден...

– Что? Вызвать меня на дуэль? Так мы еще эту даже не начали! Впрочем, я могу пойти вам навстречу и перенести наш поединок в силу форс-мажорных обстоятельств.

Тем временем, «форс-мажорное обстоятельство» подбежало к секунданту дворянина, припав к земле, глухо зарычало.

– Кажется, ему не нравится ваш приятель, – улыбнулся юноша в форме, – или наоборот, мудрый пес сразу понял, кто здесь кто, и выбрал себе мясо понежнее да поблагороднее.

– Мартис, убери его отсюда, у него наверняка блохи! – Марсильяк демонстративно поднес к лицу надушенный платок, – Раньше здесь смердело солдафонами, а теперь еще и блохастой псиной. Впрочем, особой разницы я не заметил.

– Надеюсь, лэры, вам не понадобится помощь, и вы сможете вдвоем справиться с бродячей собакой? Хотелось бы побыстрее закончить поединок, пока от ваших духов цветы в округе не завяли.

Мартис послушно попытался отогнать пса, неуклюже размахивая свободной рукой и стараясь не уронить дуэльное оружие. Но животное ловко скакало вокруг него, заливаясь звонким лаем. Наконец, уловив удобный момент, зверь бросился человеку в ноги, и тот, зацепившись ногой за торчащую из земли корягу, упал на землю, выронив подушку с лежащей на ней рапирой. Пес тут же с лаем набросился на оружие, то подскакивая к нему и облаивая, то снова отпрыгивая подальше.

– Вот видите, лэр Марсильяк, собаке не понравилась ваша фамильная дуэльная шпага. Интересно, с чего бы это вдруг?

– Мысли обезумевшего зверя мне неведомы, – сухо процедил дворянин, все так же держась позади своего товарища.

– Эй, Рик, ну-ка, притащи мне сюда эту шпагу. Хочу взглянуть на нее поближе, – коротко бросил военный своему секунданту, и тот послушно шагнул к псу. Сразу стало ясно, кто из этих двоих привык командовать, а кто – подчиняться.

Позабыв о своем страхе перед собаками, виконт попытался помешать Рик, но пес тут же подскочил к нему и чуть было не цапнул за ногу. По-бабьи взвизгнув, лэр снова отпрыгнул назад, за спину своего товарища. Осторожно подняв рапиру, секундант принес ее своему командиру:

– Держи, лейт.

– Хм, – Беример задумчиво повертел рапиру в руках, ловя лезвием солнечные блики. – Что-то мне не нравятся эти липкие пятна. Если бы не мое уважение к вам и вашему древнему роду, лэр Марсильяк, то я бы мог подумать, что клинок отравлен.

– Да как вы смеете! – дворянин побледнел от возмущения.

– По всякому смею, я вообще большой затейник и выдумщик. Предлагаю вам простой выбор: или мы меняемся рапирами и продолжаем поединок, или будем считать, что дуэль закончилась в ничью. Убивать вас мне не хотелось бы – очень уж папенька ваш злопамятный. А так вы сможете сохранить и свое лицо, и свою жизнь.

Лэр ненадолго задумался. Конечно, он был одним из лучших фехтовальщиков не только в Кияже, но и во всей провинции, но и о дуэльных подвигах Беримера слышать ему доводилось немало. В конце концов, страх за жизнь и благоразумие одержали верх над юношеской горячностью и недавней обидой:

– Быть по сему. Я согласен на ничью в поединке, – сухо процедил он, – А теперь верните мне клинок!

– Конечно-конечно. Рик, отдай благородному лэру его тыкалку. Ну а тебя, дружище, я даже и не знаю, как благодарить, – юноша присел на корточки и ласково потрепал пса по загривку. Тот довольно замотал хвостом и ткнул носом в сапог лейта.

– Командир, я думаю, что миска каши да пара костей сделают твоего спасителя самой счастливой псиной в этом треклятом королевстве.

– Это точно, вид у тебя, прямо скажем, неважный. Может, ты дух-хранитель этого места? – Беример указал рукой на ветхий монастырь. – Ладно, Рик, прихвати нашего хвоста-

того приятеля с собой и отведи на полковую кухню. Пусть сам выберет, что ему по вкусу. А я еще маленько подышу свежим воздухом, пока жара не взяла свое.

– Слушаюсь, командир! – козырнул вояка и подозвал к себе пса, – Эй ты, волосатый. Дуй за мной, накормим тебя до отвала да еще и рюмку медовухи нальем за спасение нашего славного лейта.

Пес мотнул хвостом и послушно зашагал вслед за солдатом...

Сперва Айвен хотел направиться напрямиком к Хорту, чтобы поблагодарить его за языкаря, отменно выполнившего свою работу. А заодно и выяснить, что за дело такое намечается, раз его так быстро вызволили. Однако, смутное беспокойство, не покидавшее юношу от самого здания тюрьмы, погнало его в противоположную от трактира сторону – к ремесленным кварталам. Заодно там можно было и разжиться одеждой попримичнее той, которую ему выдали в Боргарде, выпуская на волю.

Увы, зачарованная тюрьма обладала еще одной особенностью, которая в официальном списке неприятных свойств этой крепости числилось под номером сорок четвертым: порою там пропадали вещи арестантов, отданные ими на сохранение стражникам. В неофициальном же, воровском, реестре неприятных и опасных свойств Боргарда, который был вдвое толще, это свойство тюрьмы было помечено так: «Стража тюремная сильно вороватая и до добра заключенных охочая». В общем, разведя руками и сославшись на всем известный пункт сорок четыре, стражники выдали ему какое-то невнятное тряпье и пару медяков взамен того добра, которое «проклятая тюрьма себе прибрала».

Последний факт ненадолго расстроил Айвена – примерно на то время, которое ушло у него на дружеское похлопывание по плечам и быстрый обыск карманов стражников. Улов оказался небогат, а юноша в очередной раз порадовался, что верно выбрал себе профессию. Хотел ведь в детстве стать стражником! Правда, еще он хотел стать великим архимагом, прославленным капитаном пиратского брига и одним из владык Хешемского Халифата, но и с этим как-то не сложилось.

Преследователей он выявил довольно быстро, хотя это как раз и было несложно, потому что они шли следом, почти не таясь. Двое. Среднего роста, одетые в грязные поношенные одежды, они были похожи на бродяг, невесть как очутившихся в приличных кварталах. Не то, чтобы публика здесь была сплошь и рядом благородная да в шелка разодетая – просто эти двое выглядели действительно неопрятно и помято. И двигались они странно, короткими рывками, словно преодолевая какое-то усилие.

Сбежать от них было проще простого, однако, сначала нужно было узнать, кто они такие и что им нужно. Ущипнув за зад проходившую мимо девицу, вор заставил ее вскрикнуть, привлекая к ней внимание окружающих людей. Сам же под шумок стащил у кого-то яркий красный платок. Повязав свой трофей на шею, юноша несколько раз мелькнул перед самым носом преследователей, чтобы они хорошенько запомнили примету и теперь уж точно не упустили его. Рыбка клюнула на яркую приманку, и вскоре Айвен уже беззаботно брел по пустынному узкому переулку, а позади него мерно топали эти двое, старательно делая вид, что им просто нужно в ту же сторону. Получалось неубедительно, да и лица их были больше похожи на застывшие маски, чем на живые – бледные и не выражавшие никаких эмоций.

Убедившись, что преследователям никуда не деться, вор вскочил на стоящую рядом бочку, с нее перепрыгнул на балкончик второго этажа соседнего дома и, сорвав с шеи краденый платок, помахал им на прощание. В мгновение ока вскрыв запертую дверь балкона, он скрылся внутри дома.

Странная парочка замерла на месте, открыв рты и уставившись на дверь, за которой скрылась их предполагаемая жертва. Постояв так немного, преследователи отошли в тень и замерли по обе стороны от выхода, дожидаясь вора.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась. Встрепенувшиеся было оборванцы снова успокоились: это была всего лишь чужачка из Хешема, по обычаям своей страны с ног до головы завернутая в белые ткани так, что видны оставались только ее глаза. На голове женщина несла большую плетеную корзину с виноградом. Заметив сидевших в засаде незнакомцев, она вздрогнула и шагнула назад. Однако, понаблюдав за ними через щели в двери, женщина осмелела и снова вышла, направившись в сторону рынка.

– Махиб-бахара, аль хешем халаш, – бормотала девушка себе под нос, удаляясь от подозрительных типов, – Глази ухмана вылезлита, савсем слепой, да? Меня смотри и не замечай быхмала? Куда смотри кто видит, стоило только намотать побольше тряпок! Да этим идиотам нельзя доверять даже снежного мамонта пасти, и того потеряют! – заговорила она уже громче голосом Айвена, – И для кого я, спрашивается, на пояс красный платок цепляла? Тьфу ты, то есть цеплял!

Вор остановился в пятидесяти шагах от своих преследователей и повернулся к ним. Снял демонстративно платок, повязанный на пояс поверх белых одежд, и помахал им, привлекая внимание снова встрепенувшейся парочки. Странная двоица вышла из тени и быстрым шагом направилась к нему. Убедившись, что «хвост» прицепился надежно, Айвен свернул в узкий проулок по правую руку.

Вскоре один из бледнолицых оборванцев тоже свернул следом, а второй остался наблюдать, не появится ли откуда-нибудь их пряткая жертва.

– Н-на! – выдохнул юноша, одновременно опуская доску на голову преследователю.

Часть тряпок, использованных для маскировки, он обмотал вокруг доски, так что не боялся проломить голову чужаку. Бледный незнакомец рухнул как подкошенный, распугав греющихся на солнышке уличных котов. Айвен тут же подскочил к лежащему, намереваясь его обыскать, но, едва коснувшись руки, тут же с воплем отскочил:

– Мрель твою медь! Да ты же холодный, как лед! – внимательно глядя на повернутое в его сторону бледное лицо, вор размышлял, – Для голема плоти или гомункулуса слишком тонкая работа. Мертвяк? Который спокойно расхаживает на солнышке и валится от одного несильного удара доской по башке? Мда...

Юноша вытащил из кармана полушку серебра и, бесшумно подойдя к лежащему, сунул монету ему в рот и отпрыгнул в сторону.

– Не нежить, – вынес он вердикт, понаблюдав несколько секунд за результатами своих действий. – А если так?..

Со вздохом Айвен вытащил из кармана золотой динар. Три быстрых шага, и вот уже вор брезгливо обтирает серебряную монету о край рубахи, а ее место во рту незнакомца занял золотой.

– И не слуга Тьмы. Может, я просто тебя приложил слишком сильно, вот ты и окочурился? И остыл... очень быстро остыл...

Но тут вдруг тело стало корчиться, а изо рта его показалась тонкая струйка черного маслянистого дыма. Золото сжигало плоть неведомого создания. Айвен испуганно вздрогнул и отошел еще на несколько шагов. Вытащил из складок одежды кинжал, «позаимствованный» у одного из тюремных стражников, и что было сил метнул его в извивающуюся цель. Попал!

Лезвие расплосовало бок бледнолицего, нанеся глубокую рану длиной в ладонь. Но вместо крови из пореза вдруг повалил все тот же черный дым, и на миг юноше показалось, что у тела выросло черное щупальце, которое извивается и ощупывает все вокруг в поисках его, Айвена.

– Вот свезло так свезло. Это надо же, сразу двух уморышей ко мне приставили! Интересно, и чем это я так господам из Даркилона не угодил? Неужели все из-за того паренька, путешественника? Хорошо хоть, что не дарков отправили по мою душу...

Размышления его прервали шаги, раздавшиеся за поворотом. Ждать появления второго уморыша вор не стал, и бросился бежать, забыв и про золотой, и про кинжал. Впрочем, и оглушенное порождение Тьмы зашевелилось, поднимаясь на ноги...

– Два уморыша, говоришь? – Хорт недоверчиво уставился на «пузыря», – А не брешь?

– Вот тебе круг – чистую правду говорю! – осенил себя Айвен кругом Чистого Ио.

– Мда... Ты когда это успел темным дорогу-то перейти?

– Да это не я, – отмахнулся Айвен, – это сокамерник мой. За ним прямо в холодную яму два дарка заявили в первый же день – искали что-то.

– Нашли?

– Если бы, – развел руками юноша.

– Значит, они думают, что оно у тебя. Они правы?

– Каббр его знает. Когда его уволокли, я все в камере перетряс, да без толку, – про свой странный сон воришка решил не рассказывать. Еще решит атаман, что он свихнулся.

– Понятно, – атаман отечески похлопал юношу по плечу, – Ты там, небось, изголодался-то за два дня, на тюремных харчах -то? Сейчас я кликну повара нашего, пусть тебе состряпает что-нибудь горяченького.

– Мяса! Мяса хочу!

– Будет тебе мясо, – усмехнулся Хорт, – а к мясу чего заказать? Как насчет каши? Ирген вчера как раз в меню добавил ячменную кашу с фруктами и изюмом. Такая вкуснотища – пальчики оближешь! ...Эй, что с тобой? – осекся вдруг вышибала, глядя на резко побледневшее лицо Айвена.

– Н-не надо каши. Никакой каши не надо! – живот юноши ностальгически забурчал.

– Небось, это уморыши на тебя такое впечатление произвели. Понимаю... Мы как-то с тремя этими выползнями Тьмы схлестнулись на Мургарском тракте. У самой дороги кладбище было заброшенное, вот они на нем и вызрели, сразу трое. Насилу тогда ноги унесли! Сам знаешь, для чего мы им были нужны, диким-то... – атамана аж передернуло.

Айвен показал неприличный жест и сдавленно хихикнул...

«Дубль-гомункул естественный тьморожденный, он же ложный упырь, он же уморыш. Это порождение Тьмы часто путают с некро-гомункулами или обычными неупокоенными (поднятыми), хотя между ними нет ничего общего. В отличии от живых мертвецов, тварей противоестественных, уморыши являются самыми обыкновенными условно живыми и условно разумными существами.

Рождается дубль-гомункул из Зерна Тьмы, заразившего мертвое тело* и вызревшее в нем в течение трех лет. Хотя внешне уморыш полностью копирует покойника, на котором вызревает, однако является он полностью самостоятельным существом и кроме внешности не наследует никаких отличительных черт оригинала. При рождении темнотея съедает тело-оригинал, утоляя свой голод.

Дубль-гомункулы отличаются скованностью движений и медлительностью как физической, так и умственной. Разум их подобен разуму шестилетнего ребенка, но с нулевым эмоциональным потенциалом и неразвитым воображением. Твари эти неутомимы и упорны в выполнении приказов своих хозяев, коими считают любое разумное порождение Тьмы. Свободные, не нашедшие хозяев, уморыши будут вести образ жизни, подобный обычным лесным не стайным хищникам.

Твари эти в несколько раз сильнее и выносливее обычного человека, в состоянии леммы** входят раз в три месяца. Питаются плотью, отдавая предпочтение гниющей человеческой, добываемой ими на кладбищах и в могильниках. Как и прочие порождения Тьмы, уморыши неуязвимы для ядов и некоторых магических воздействий, а в жилах их течет так

называемая «кровь Тьмы». В отличие от живых мертвецов, с которыми часто путают дубль-гомункулов, уморыши не боятся серебра, равно как и не поддаются воздействию изгоняющих, развоплощающих и упокаивающих заклятий и ритуалов.

Как и все темнобестии, они чрезвычайно уязвимы к огню и воздействию солнечного металла – благородного золота. Отличительной особенностью их является полная нечувствительность к прямому солнечному свету, что делает уморышей идеальными слугами-разведчиками своих хозяев в дневное время.

На людей дубль-гомункулы нападают только по приказу или ведомые инстинктом размножения – свежую плоть употребляют в пищу крайне редко и неохотно. Убивая человека, уморыш прячет тело в надежный тайник и заражает его Зерном Тьмы, из которого через несколько лет появится новая тварь.

* Для вызревания годится только хорошо сохранившееся и не имеющее ран и увечий тело, пролежавшее в приемлемых условиях (не поврежденный гроб, склеп, мавзолей или лаборатория) не более двух месяцев. Тело при этом прекращает разлагаться на весь срок созревания, сохраняясь в изначальном виде. Зерно Тьмы не может прорасти в теле того, кто при жизни был посвящен светлым сущностям или после смерти был освящен одним из ритуалов, перечисленных в «Малом справочнике посмертных ритуалов» в разделе «Обряды очищения и светлого причастия»...

** Лемма, – от лемматориус дарколахус (сон, объединяющий с тьмой). Особое состояние, в котором порождения Тьмы сливаются в единое целое с Тьмой Изначальной, передавая ей информацию и восстанавливая свои силы. Находящееся в лемме существо совершенно неподвижно и полностью неуязвимо для ментальных и магических воздействий, находясь под защитой Тьмы. Однако, огонь и солнечный свет становятся для них особенно губительными. Подробнее о состоянии леммы рассказано в «Инструктарии для тьмоборцев и боевых магов» за авторством архимага Марлениуса...

«Энциклопедия Темных тварей и сущностей, населяющих земли Даркилона»

Сост. на кафедре Неестествознания и Бестиалогии

Ригской Академии Магии в 2110 г.в.р

– Схорониться тебе нужно, – немного поразмыслив, сказал Хорт, – А еще лучше уехать куда-нибудь подальше. Если уж темные на след встали, то я за твою жизнь и пряника жеванного не дам. Могу похлопотать среди своих знакомцев, чтобы приютили тебя на время, пока все не уляжется...

Беседовали они в одной из комнат таверны «Угрюмый булочник», отведенной специально для таких вот разговоров. Едва завидев запыхавшегося и испуганного до мучной бледности лица «пузыря», вбежавшего в таверну, атаман сразу понял, что тот снова влип в какие-то неприятности. Конечно, это было естественное для Айвена состояние, но чутье подсказало бывалому разбойнику, что на этот раз дело совсем худо. Поэтому он и кликнул Комара с Бритвой постоять на страже, а сам потащил перепуганного вора в специальную комнату для «серьезных разговоров между серьезными людьми».

– Сам знаю. Да вот только куда я подамся?

– Друг мой, Арлания велика, да и на одном нашем королевстве свет клином не сошелся. Дарион, Хеон, Муркор... Да отправляйся ты хоть в Хешем или к эльфам!

– Ты бы мне еще в Даркилоне укрыться предложил, – хмыкнул Айвен.

– Между прочим, здравая мысль – там тебя точно искать не станут. Я бы на твоём месте двинул в Хеон, с тамошними чародеями темные связываться точно не станут. А оттуда можно уже и на Острова отправляться... Нашего брата там всегда приветливо встретят, напоят-накормят...

– Спать уложат, от ценных вещей избавят, кровью умоют и свежей землицей могилку присыплют, – уныло подхватил юноша. – Поможешь?

– Стал бы я с тобой разговаривать, если бы мне плевать было, – обиделся Хорт, – Ты уже не малый срок под моей рукою. Знаешь ведь, что я своих людей в обиду не даю. Из холодной ямы тебя кто вытащил? То-то же!..

– Значит, на пару дней заляжешь на дно, а я тебе подыщу попутный обоз в сторону границы. Деньги есть?

– Обижаешь, атаман.

– Скорее, пытаюсь прикинуть, сколько еще неприятностей ты собираешься навешать на свою задницу, – усмехнулся громила, – Ты бы за руками своими следил, друг мой любезный, пока есть за чем следить-то. Забыл, что ли, из-за чего в Боргарде очутился? В Хеоне, между прочим, разговор с ворами короткий, и еще короче после такой беседы у тебя станут руки. А то и вовсе – обернут жабой, и будешь до конца дней в болотах на судьбу свою тяжелую лягухам квакаться, да мух сушеных из паучьих сетей красть.

– Да я просто...

Что именно и насколько просто, Айвен договорить не успел. Запястье левой руки его вдруг словно огнем обожгло, и дверь широко распахнулась. Порыв сквозняка одним махом раздул пламя масляных светильников почти вдвое, заставив их отчаянно трепетать. В комнате стало светлее, и по стенам забегали-заплясали разбуженные тени.

– Это еще что такое? – вскрикнул Хорт, указывая в дальний угол, – У нашего хозяина отродясь в трактире крыс не водилось! Да и как она сюда попала, здесь же ни единой щели нет?

Вор пристально всмотрелся в колеблющиеся тени, и заметил среди них огромную крысу, серая шерсть которой почти сливалась с тенями.

– Может, это нашего зубодера крыса?

– У Иноша крыс рыжий, а эта... А ну, брысь отсюда! – вышибала схватил со стола миску и швырнул ее в грызуна. Крыса стремительно бросилась в ближайшую тень и словно растворилась в ней, пропав из виду.

– Забудь ты про эту крысу. Подумаешь, забрела с улицы на запах съестного... – вор почесал запястье, которое припекало, словно от укусов крапивы.

– Нужно будет сказать хозяину, чтобы проверил амулеты, что трактир от грызунов да насекомых оберегают, – проворчал Хорт и участливо посмотрел на юношу, – Что, сильно болит? Нужно было ее у Аликса-рисовальщика набивать, тот свое дело знает – ты и не почувствовал бы даже.

– Кого набивать? – не понял Айвен.

– Татуировку. И не чеши ее, а то только хуже будет.

Юноша уставился на свою руку. Все запястье с внутренней стороны было им расчесано почти до крови, но никаких татуировок там не было и быть не могло.

– Ты про какую татуировку говоришь?

– Ну вот же, на руке у тебя... – атаман схватил его за руку и уставился на запястье, – Да как же так, я же только что своими глазами ее видел!

– Померещилось. Я свое тело особыми приметам ни в жизнь не портил, и впредь не собираюсь, – Айвен вырвался и одернул рукав, пряча расчесанную руку.

– Ладно, ты давай ночлег себе подыскивай, а я пока разужнаю насчет обоза. Завтра с утра сразу дуй ко мне в трактир, понял? Только сперва иди пообедай, с голодухи ты начинаешь не головой думать, а пустым брюхом.

Основательно подкрепившись, Айвен поблагодарил Хорта за помощь и направился к выходу. У самых дверей его нагнал Комар:

– Эй, «пузырь», меня атаман попросил за тобою присмотреть. Прогуляемся вместе в город, а я заодно попрошу мастера самострел мой посмотреть, а что-то уж больно туго он взводиться стал.

Но юноша его не слушал. Превратившись в сосредоточение слуха, зрения и глупости, он во все глаза пялился на крысу. Громадную серую крысу, сидевшую в тени дома напротив и смотревшую ему прямо в глаза.

– Метатель у тебя хоть с собой? – почему-то вдруг спросил Айвен приятеля.

– Я без него даже ванну не принимаю, – усмехнулся длинноносый грабитель.

– Крысу видишь? Вон она, в тени прячется. Подстрели-ка ее.

Комар бросил быстрый взгляд по сторонам: нет ли лишних свидетелей? Убедившись, что вокруг нет ни единой души, он вскинул руку в направлении грызуна. Звонко щелкнула пружина, и железный болт, пробив рукав рубахи, устремился точно в цель. Точнее туда, где она только что была. За мгновение до того, как снаряд угодил в нее, крыса вдруг раздулась и... лопнула, разлетевшись во все стороны клочками серого дыма, которые тут же втянулись в тень.

– Вторую тоже подстрелить? – деловито поинтересовался Комар, вскинув левую руку, на предплечье которой был закреплен еще один самострел.

– Какую еще вторую? – переспросил Айвен, но уже и сам заметил еще одного грызуна, точную копию первой крысы. Она укрывалась в тени поленницы дров, стоявшей у стены дома чуть дальше по улице. Справа, шагах в десяти, раздался пронзительный писк, резанувший по ушам, и появилась третья крыса. Юноша готов был поклясться в том, что тварь именно появилась, словно соткавшись из тени, а не вышла из какой-нибудь дыры.

– Всех бей. Справа еще одна, не упusti...

Трижды щелкнули наручные метатели, выпуская смерть из своих зажимов. Третья мишень, не замеченная вором, пряталась за бочкой. Пружины натужно закрипели, когда Комар, засучив рукава, взвел спусковой механизм обоих самострелов и начал укладывать вытященные из кармана болты в гнезда своего необычного оружия.

Айвен внимательно наблюдал за ближайшей крысой и отчетливо увидел, как она мгновенно выросла почти в полтора раза, потом тело ее покрылось трещинами, и вот уже на месте необычного грызуна клубится лишь темное облачко дыма. Повисев немного в тени, облако вдруг вытянулось темной лентой и перелетело через дорогу, исчезнув под дверью дома напротив.

– Какого мреля здесь происходит, – выдохнул позади приятелей Бритва, закрывая дверь трактира. – Вам что, заняться больше нечем, как по крысам среди бела дня стрелять?

– Даю десять золотых за труп каждой найденной тобой твари, – хмыкнул Айвен. – Вот только сдается мне, что останешься ты без денег.

– Значит, ты тоже это видел? – Комар уже перезарядил самострелы и снова выпрямился, – а я то уж было решил, что меня глаза подводить начали. Четыре болта отправил точно в цель и ни разу не попал.

Цирюльник нахмурился. Длинноносый разбойник был лучшим стрелком из механических метателей, которых он знал, и даже дважды брал призы на состязаниях Золотого Ворота, где соревновались арбалетки, баллистеры и самострельщики. За все годы знакомства Бритва лишь однажды видел, как промахнулся Комар: стрелял он спяну, в крошечной темноте, падая с кровати на пол, да еще и Хорт ударом кулака в глаз немного подпортил стрелку прицел прямо в момент выстрела. Если бы не вмешавшийся тогда атаман, быть бы Айвену «пузырем» самым что ни на есть дырявым и весьма убедительно дохлым.

– Ладно, с крысами своими позже разберетесь. Меня Хорт за вами вдогонку послал, хочет показать кое-что.

Внимательно осмотрев улицу, Айвен проследовал за Бритвой в таверну. Внутри лысый преградил ему рукою путь и указал на один из столиков:

– Посмотри, может, узнаешь вон там кого-нибудь?

Юноша послушно посмотрел в ту сторону. Сперва взгляд его упал на мощную фигуру Хорта. Он и еще один вышибала о чем-то перешептывались, стоя позади двоих посетителей, сидевших за указанным столиком. Атаман нетерпеливо поглаживал рукою внушительную дубинку, висящую у него на поясе и бросал быстрые взгляды в сторону входа. Заметив Бритву и Айвена, он приветственно вскинул руку и указал пальцем перед собой.

Вор послушно опустил голову, переводя взгляд ниже. Там за столом, почти не двигаясь, сидели двое недавних его знакомых. Бледные лица их выглядели изрядно помятыми, а голова одного из уморышей была замотана в белые тряпки. Держалась вся эта невообразимая конструкция лишь потому что была прикручена к голове ярко красным платком.

Юноша побледнел, белизною своего лица превзойдя даже тварей Тьмы. Похоже, Хорт заметил этот необычный цветовой сигнал и дал знак своему напарнику. Две тяжелые дубинки одновременно обрушились на головы ничего не подозревающих уморышей, и те плавно сползли под стол, даже не пикнув. Атаман махнул рукой, и Айвен стрелой вылетел из трактира, не обращая никакого внимания на бегущего следом Комара и желая только одного – оказаться как можно дальше от этих ужасных созданий, каким-то непостижимым образом выследивших его. Ни он, ни Комар не заметили огромной серой крысы, наблюдающей за ними из густой тени. Коротко пискнув, грызун вильнул хвостом и превратился в облако серого дыма, растворившегося через пару мгновений...

– Эй, стряпчий, принимай гостя! – заорал Рик, со всей дури барабана в крепкую дверь, из-за которой доносились такие ароматы, что у голодного пса закружилась голова, а живот принялся набуркивать незатейливую мелодию.

– Чего приперся? – заворчал кто-то за дверью, и раздался лязг отпираемого замка, – Не жду я никаких гостей. А если кушать захотелось, так иди в казарму, может и осталось еще что-то после обеденной трапезы.

– Гость у тебя сегодня особый, и обслужить его нужно по высшему разряду! – загадочно улыбнулся сержант, осторожно придерживая собаку за ошейник.

– Ну-ну, и где же эта особо важная персона? – дверь с противным скрежетом распахнулась, и в проходе показалась тощая долговязая фигура в белом переднике и с поварешкой в руках. Последняя была таких внушительных размеров, что вполне могла использоваться в качестве оружия даже против воина в доспехах.

– Вот, забирай. Этот герой только что спас жизнь нашего командира. Унюхал яд на клинке этого хлыща Марсильяка, представляешь? Так что уж будь добр, накорми его как следует. Можешь считать это прямым приказом лейта Беримера.

– Давай сюда свою шавку, разберусь уж как-нибудь, – сварливо отозвался ротный стряпчий и открыл дверь пошире, – Надеюсь, блох у него нету? Ишь, ты, унюхал он...

– Если найдутся, то и их тоже покормишь, – хохотнул Рик и мягко подтолкнул пса, – Давай, дружок, иди. Этот дядя тебя накормит. Ты, главное, будь с ним построже и не смотри, что он такой тощий – зато нам еды больше достается.

Бывший королевский стравник смело вошел на кухню и вздрогнул, когда дверь позади него со стуком закрылась. Он остался наедине с человеком, который начал звенеть крышками котлов и кастрюль в поисках чего-нибудь вкусного.

– Вот! Это тебе будет в самый раз! – стряпчий схватил небольшую кастрюлю и поставил ее перед псом, – Давай, побыстрее жри и выметайся отсюда. Делать мне больше нечего, как всяких собак бездомных прикармливать...

Кобель тоскливо повел носом, но лишь еще раз убедился, что первое впечатление его не обмануло – в кастрюле были самые настоящие помои из остатков несвежей пищи. Вздохнув, пес с сожалением вспомнил о протухшем куске мяса, брошенном им возле монастыря.

– Ишь ты, нос воротит... Может, тебе еще и мяса белого подать и чарку вина налить, а, блохастый? Давай-давай, жри, пока я добрый.

Повар нагнулся и схватил пса за ошейник. Подтащив свободной рукой кастрюлю поближе, он попытался ткнуть собаку в нее носом. Раздался сухой треск, и яркая вспышка осветила кухню. Запахло паленым мясом и вареными помоями. Кобель поморщился и чихнул. Отойдя от лежащего в луже отбросов человека, он принялся, стараясь выделить из богатого букета ароматов кухни что-нибудь особенно вкусное и сытное.

– Эй, смотри, здесь какая-то собака! – раздался вдруг тонкий мальчишеский голос у двери, которая вела в соседнее помещение кухни. – Откуда она здесь?

– А кто это там рядом лежит? Уж не наш ли это... Проклятье! – второй голос оказался постарше и поглубже.

Животное повернулось в сторону говоривших – у двери стояли два поваренка в заляпанных передниках. Пес тяжело вздохнул и, поджав хвост, бросился в противоположную от людей сторону, к выходу из кухни. Обед снова откладывался...

Глава 7. Встреча со старым знакомым

*«Случайности – не случайны, а очень даже
преднамеренны, злокозненны и неприятны...»*

Третья аксиома Книги Судеб, написанной жрецами Нефарта.

Для того, чтобы затаиться, Айвен решил присмотреть приличную гостиницу у южных городских ворот: и место здесь людное, и из города легко выбраться в случае чего. А еще, вряд ли кто-то станет искать простого вора там, где обычный обед стоит пару серебряных монет – люди его профессии в таких местах появляются ненадолго, темными ночами и с пустым мешком для краденого добра. Уже начало темнеть, когда он отыскал подходящее место с настраивающим на игривый лад названием «Три холостяка». К сожалению, в его планы хоть пару дней пожить с шиком и комфортом, ни в чем себе не отказывая и наслаждаясь маленькими радостями жизни, вмешались определенные обстоятельства.

– Как это нет? Я плачу тебе полновесным золотом и требую предоставить мне отдельную комнату! – бушевал юноша, размахивая позвякивающим кошельком перед лицом толстенького *гостиница* – управляющего постоялого двора.

– Прошу прощения э-э-э... – управляющий внимательно рассматривал визитера, пытаясь понять, как к нему нужно обращаться. Внешний вид молодого человека несколько не вязался с золотым динаром, которым тот оплатил свое проживание. Впрочем, за годы работы он перевидал всякое, – ...господин, но свободных отдельных комнат не осталось. Конечно, вы можете попытать удачи в других гостиницах, но я вас уверяю, что такого соотношения цены и качества вам больше не сыскать.

– Это уж точно, – хмыкнул Айвен. – Где еще я отыщу за такие деньжищи одну комнату на двоих? Разве что только купить ее и нанять себе второго жильца.

– Уверяю, что второй постоялец не причинит вам никаких хлопот! Он спокойный и весьма интересный собеседник. Впрочем, в его возрасте это и не удивительно. Правда, профессор несколько... чудаковат, но ничуть не опасен.

– Чудаковат? Профессор? А, может быть, есть другие варианты?

– Я бы мог вас подселить к госпоже Бернан, но, боюсь, такое соседство будет вам не в радость...

– Тоже старуха?

– Примерно ваших лет.

– Уродина?

– Да нет же, вполне мила.

– Характером не вышла?

– Она монашка. Стогреховница... – поставил точку в расспросах управляющий.

– Так в какой ты говоришь комнате мой славный сосед-старикашка живет?

– Я вас провожу, – понимающе улыбнулся гостинец, – Кстати, меня зовут Рикаром. Рикар Буриньяк, если вам будет угодно. И, должен сказать, ваш выбор мне понятен.

Айвен улыбнулся в ответ. Однажды ему уже приходилось коротать время с одним из служителей Церкви Ста Грехов, и те краткие часы показались ему настоящей вечностью. Еще целых две седмицы юноше снились кающиеся монахи, которые пытались и его наставить на путь истинный. Уж лучше провести эти пару дней с десятком безумных стариков, чем с одной миловидной монашкой-стогреховницей.

«Церковь Искреннего Раскаяния, иначе называемая «церковью ста грехов», была основана в 1230 г.в.р. неким безвестным молеельщиком, который после обряда самопожертвования

принял имя Иепохондрий. В основе этой религии лежит самопокаяние и полное очищение от всех грехов через молитву. Церковь Раскаяния прославилась своими неистовыми фанатами, называемыми монахами-стогреховниками, и их скрупулезным отношением к совершению ритуалов.

Главная книга, содержащая все законы и заповеди этой религии, называется Ветхий Талмуд и содержит описание пятидесяти смертных и около шестисот малых грехов. Церковь Раскаяния является одной из тех трех светлых религий, в которых нет догмата «не согреши». Во главу всех законов стогреховники ставят принцип «покайся», и для каждого из грехов у них существует своя молитва отпущения. Большую часть свободного времени адепты этой религии проводят в очистительных молитвах, которых они должны прочесть не менее ста за день. Оставшееся время они проводят, совершая эти самые грехи, как требует их религия. Согласно учения Иепохондрия, каждый истово верующий должен в день покаяться в десяти совершенных грехах и прочесть сто молитв – по десять на каждый замаливаемый грех. Если же на душе у него грехов было меньше десяти, то монах должен был добрать нужное количество, совершив их немедленно.

В 1714 г.в.р. очередным Иепохондрием* церкви был объявлен великий поход, целью которого стало полное очищение адептов веры ото всех пятидесяти смертных и шести сотен малых грехов. Несколько тысяч неистовых фанатиков принялись грешить налево и направо, вредя и себе и окружающим. Когда монахами было сожжено два села, против них были посланы королевские войска. Стогреховники были взяты в оцепление и объявлены мятежниками, после чего их принудили к сдаче. И вскоре деятельность церкви ста грехов была приостановлена с разрушением храмов и конфискацией имущества в пользу казны.

В 1764 г.в.р. Церковь была возрождена согласно указу короля Иорама Третьего, однако Ветхий Талмуд переписали, уменьшив число замаливаемых грехов вдвое – в первую очередь из списка были убраны подстрекательство к мятежу и бунт против власти. И хотя, как и прежде, монахи-стогреховники должны были совершать по сто молебнов в день, но совершать новых грехов им было дозволено не более трех в сутки и только из списка малых прегрешений. Новая книга заветов была названа Новописным Талмудом и до сих пор является единственным писанием Церкви Искреннего Раскаяния...

* С 1340 г.в.р. имя первооснователя, Иепохондрия, стало официальным титулом главы Церкви Раскаяния, и, принимая сан архиепископа, очередной руководитель также менял свое имя, называясь отныне и до самой смерти Иепохондрием...»

«Тысяча и одна религия земель наших.

Описание, толкование и оправдание»

Толковальный справочник

Комната его, а точнее их, если не забывать о вынужденном соседе, находилась в самом конце коридора на втором этаже. Айвен наметанным взглядом сразу оценил удобство расположения своего временного пристанища – всего одна смежная комната, окна выходят на задний двор, причем прямо на яблоневый сад. Да еще и этаж второй – просто мечта вора, выползающего по ночам из гостиничной комнаты на промысел! Или убийцы, который вползает ночью в ту же гостиницу за головою невезучего вора... Вспомнив об уморышах, юноша несколько погрустнел.

– Вот ваша комната, – любезно распахнул перед ним двери гостинец, – А вот и ваш сосед, господин Ройбуш, – указал он в сторону сидящего на стуле старика, который что-то записывал в пухлую тетрадь при тусклом свете свечного огарка.

Пожилой постоялец повернулся, и Айвен погрустнел еще больше. Быстро шагнув назад, он рывком захлопнул дверь в комнату и схватил управляющего за ворот:

– Веди меня к монашке!

– Но... вы же сами только что...

– Я передумал. Иногда с людьми это случается. Шел-шел по коридору, и вдруг бац!..

– Открывшаяся дверь бьет по лбу? – нахмурился Рикар.

– ...внезапно передумалось! Я согласен на монашку.

– Стогреховницу?

– Да хоть тысячи! К тому же, насколько я помню, она миловидна, а прелюбодеяние у них относится к грехам малым. А помощь ближнему своему – есть добродетель!

– Хорошо, хорошо. Будет вам и монашка и грехи. К тому же, вон ее комната – всего через три двери от вашей... Точнее, от комнаты господина Ройбуша.

Управляющий зашагал к указанной двери, а следом, оглядываясь, шел Айвен.

– Госпожа Бернан, я привел вам сосе... – начал было гостинец, открыв дверь и шагнув в комнату, но тут же умолк и стремительно вышел, захлопнув за собою дверь.

– Не понял? – нахмурился вор.

– Э... Боюсь, что придется вам таки подселиться к господину Ройбушу.

– Какого каббра? – юноша прислонил ухо к двери, прислушиваясь. Вскоре по его лицу расплылась понимающая улыбка. Он повернулся к Рикару.

– Увы, господин. Там уже грешат, – развел тот руками.

– И еще как грешат, – юноша оторвался от своего увлекательного занятия. Женские стоны и скрип кровати были слышны даже через закрытую дверь, – Надо же, какая неистовая монахиня. Думаю, ее новый сосед по комнате вскоре будет весьма удивлен.

Айвен представил себе ловеласа, который наверняка был уверен, что лишь благодаря своим чарам смог соблазнить такую красотку и уложить ее в постель. Интересно, какое у него будет лицо, когда удовлетворенная девушка у него на глазах вытащит свой моленный коврик и начнет десятикратно в голос замаливать свежесовершенный грех. Улыбка юноши стала еще шире.

– Ладно, води меня к своему чудаковатому старикану, – смирился он с судьбой и послал десяток проклятий в адрес Нефарта, почему-то проявляющего к его скромной персоне повышенное внимание.

Весь обратный путь до юноша в алфавитном порядке молился известным ему богам и пытался пробудить в себе отсутствующие магические способности. Увы, ни боги ни магия так и не проснулись, поэтому ему оставалось лишь склонить пониже голову и надеяться на спасительный полумрак.

– А это снова я, господин Ройбуш, и ваш новый сосед. Уверен, вы друг с другом поладите, – с этими словами Рикар распахнул двери в комнату и подтолкнул вора в спину. Расклавшись, он вышел и прикрыл за собою дверь.

– Очень рад знакомству, – хрипло буркнул юноша. Старик поднял голову, подслеповато щурясь, и «пузырь» вдруг вспомнил пару заковыристых ругательств и придумал одно новое: глаза действительно не подвели его. Господин Ройбуш оказался тем самым стариком, историком и профессором неизвестной кафедры, которого на днях ограбила банда Хорта при его, Айвена, непосредственном участии...

– Проходите, молодой человек... вы ведь молоды, да? Я слышу это по вашему голосу, – засуетился старик и вскочил со стула, зацепив при этом рукавом чернильницу и едва не опрокинув ее со стола.

– Вы не беспокойтесь – сидите, пишите, – снова прохрипел юноша, стараясь придать своему голосу нотки грубости и сделать его более суровым.

– Да-да, конечно, спасибо, – улыбнулся его новоявленный сосед и попытался сесть на выскальзывающий стул. Удалось ему это только с третьей попытки. – Кстати, я забыл предста-

виться. Меня зовут Лейцер Ройбуш, но вы можете звать меня просто Ройбушем. Я историк, преподаю в Сорманнском Университете...

– Профессор? – сорвалось с языка Айвена, и он тут же поклялся натереть его горьким корнем, чтобы не распускаться и не болтал, перед кем ни попадя.

– Да-да, вы совершенно правы... Простите, я не расслышал вашего имени.

– Айве... Айвенир. Меня зовут Айвенир, да, – после короткого раздумья представился юноша. – Но все зовут меня просто Ниром.

– Хм... – старик нахмурился, – определенно, ваше имя мне что-то напоминает.

– Вполне возможно. В переводе со старо-арланийского «айвен» означает «везунчик», и многие так называют своих детей надеясь, что Госпожа Удача возьмет их под свое покровительство. Кстати, могу вас заверить, что это не работает – сужу по личному опыту.

– Айвен. Везунчик. Баловень Судьбы. Если вы не будете против, молодой человек, то буду вас называть сокращенным вариантом. Так мне будет проще запомнить.

– Постараюсь привыкнуть... Простите, но мне нужно разложить свои вещи.

– Конечно-конечно! Вот ваша кровать и тумба, а вон стоит шкаф. Вещей у меня немного... осталось... Так что места вам хватит. А я, с вашего позволения, еще немного поработаю. Мне нужно закончить этот список, чтобы уже завтра утром отнести его в приемную городской стражи.

– Городской стражи? Это донос?

– В некотором роде, молодой человек. Это список отнятого у меня разбойниками имущества.

– Разбойниками? Какой ужас! А я всегда говорил, что с таким начальником стражи, как наш славный господин Урс, разбойники начнут не то что на дорогах – прямо на улицах города людей грабить... Вот у меня, например, недавно стащили из сумки кошелек и пять... нет – шесть яблок! Прямо на рынке, среди белого дня. Кстати, яблочко не хотите?

Не дожидаясь ответа, Айвен вытащил из сумки яблоко и ловко катнул его по столу прямо в руки своего соседа по комнате. Господин Ройбуш попытался было ухватить спелый плод, но промахнулся, и яблоко закатилось в его широкий рукав.

– Благодарю вас, юноша. Поужинать я забыл, так что ваше угощение будет весьма кстати, – старик вытащил яблоко из рукава и с хрустом откусил кусочек. Лицо его удивленно вытянулось, и он задумчиво посмотрел сперва на яблоко, а потом на Айвена.

– Вкусно? – хрипло спросил тот, внутренне холодея от ужаса. Яблоко ему попало из числа тех, что он «позаимствовал» вот у этого самого деда, во время налета. – Сам я яблоки, если честно, с детства ненавижу, но одна сердобольная старушка угостила меня ими за то, что я помог ей дотащить с рынка тележку до дома. Вот и раздаю их теперь.

– Да, вкусно, еще раз благодарю вас, – откусил еще один кусочек историк и вернулся к своему списку, совсем забыв про нежданного соседа.

Облегченно вздохнув, юноша начал раскладывать свои нехитрые пожитки. Время было уже за полночь, и поэтому единственное, чего ему сейчас хотелось, это была мягкая и прохладная кровать. Увы, комната находилась на солнечной стороне, и основательно прогретый за жаркий день дырявый матрас встретил его натужным скрипом, жалуясь на нелегкую судьбу и на излишки веса одного молодого вора.

Уже сквозь накатывающую дремоту Айвен услышал тихое бормотание старика:

– Айвен... Определенно, я уже слышал когда-то это имя... А на чем же я остановился-то? Ах да! – снова закрипело перо, – Набор глиняной посуды племени хуманитов... или херовитов? Проклятая память!

– Хеонитов, – сонно побормотал юноша.

– Простите, что вы сказали? – встрепенул старик.

– Племя хеонитов, – повторил вор и провалился в мир сновидений.

Увы, толком насладиться сном ему не удалось. Часа через два его разбудил какой-то громкий посторонний звук, вырвав из сладких объятий мира грез.

– Вот уж повезло так повезло, – с кислым выражением лица Айвен смотрел на своего храпящего соседа, – Даром, что старик, а легкие вон какие мощные – целый трубный оркестр перехрапит и даже не покраснеет с натуги. Ладно, еще посмотрим, кто кого.

Юноша откинул тонкое одеяло и начал легонько посвистывать – верное средство заставить храпуна умолкнуть. Правда, похоже, Ройбуш то ли не знал, какое это хорошее средство, то ли напротив, но храпеть он не перестал и даже наоборот – стал делать это громче, заглушая свист. Вор не сдался и поднажал. Просто так свистеть было не интересно, и поэтому он принялся высвистывать незатейливый мотивчик «Мельника и Доярки». Старик подхватил мелодию, и вскоре у них образовался довольно слаженный дуэт из храпуна и свистуна.

– Да что же это такое! – не выдержал Айвен поняв, что профессор истории и не думает умолкать, – я сюда на ночлег пришел, или на репетицию хорового свиста? Эй! Господин Ройбуш! Проснитесь, у нас тут пожар намечается!

Храп прервался, и старик заворочался на кровати. Тетрадь, лежавшая у него на груди, упала на пол, а одеяло он подмял под себя, ухитрившись закрутить его штопором. Храп раздался снова, но теперь он усиливался, отражаясь от стены.

– Ты издеваешься надо мною? Или мстишь за свое треклятое барахло? – юноша протянул руку и схватил свою сумку, лежащую на тумбе. – Что ж, господин Ройбуш, вы так любите глиняные миски и ложки? К сожалению, глиняных у меня нет, зато есть медные. – С этими словами он вытащил из сумки тарелку и ложку. – Храпите-храпите, а я вам пока ритм настучу...

Айвен сел на кровати и принялся старательно колотить ложкой по дну миски, сопровождая свои музыкальные упражнения выкриками:

– Пожар! Ай-я-яй, мы горим. Рукописи не горят, а вот мы горим!.. Потоп! Наводнение, караул, я не умею плавать – спасите меня, господин Ройбуш!.. О нет! Кто это там лезет в окно? О ужас, это же сам ... Э-э-э... – фантазия его истощилась, и юноша задумался. – Да! Это же свирепый мурлопотамский историкоед! Да проснись же ты, каббров старик!!!

Храп оборвался. Господин Ройбуш дернул рукою, смахнув на пол подушку и лежащий под нею мешочек с уже знакомыми вору цветными камушками. С громким стуком камни посыпались на пол. Старик широко зевнул, перевернулся на другой бок и... захрапел с удвоенной энергией! Да еще выхрапывал при этом какой-то хитрый мотив, приноровиться к которому не представлялось возможным – это тебе не монотонный гул.

В конце-концов, под утро Айвена так сморил сон. Так и уснул, сидя на кровати и удерживая руками подушку на голове – с ее помощью он пытался изолировать себя от храпа. Проснулся же он от того что кто-то заехал ему локтем в шею. С трудом разлепив тяжелые веки, юноша сфокусировал взгляд на своем соседе. Тот неуклюже прыгал по комнате и пытался натянуть на себя мятую рубаху, задевая все на своем пути. Заметив, что Айвен уже проснулся, он приветливо помахал рукой, зацепив и скинув с подоконника цветочный горшок. Кажется, в нем росла прямолестная мухоедка.

– А, мой юный друг... Доброе утро! Как вам спалось? Лично я выспался просто чудесно. Надеюсь, что и вы тоже? – улыбнулся профессор. И пока опешивший вор собирался с мыслями, продолжил, – Сам я сплю очень чутко, возраст, понимаете ли. Поэтому перед сном всегда закладываю в уши немного воска, чтобы не просыпаться от каждого шороха...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.